Пусть любить тебя будет больно

Автор:
Ульяна Соболева

Пусть любить тебя будет больно

Ульяна Павловна Соболева

Звезда РунетаПусть #2

Я была счастлива настолько, насколько может быть счастлива женщина, но у каждого счастья есть свой срок годности, и моё изначально оказалось просроченным. Глупо верить, что человек может расстаться со своим прошлым и измениться. Люди не меняются, они надевают маску, подстраиваясь под обстоятельства и заставляя тебя верить, что это и есть их настоящее лицо. Пока вдруг неожиданно эта маска не раскалывается на части, и ты с ужасом понимаешь, что рядом с тобой всё это время находился совершенно чужой человек, а вся ваша совместная жизнь – сплошная ложь и бутафория.

Ульяна Соболева

Пусть любить тебя будет больно

© У. Соболева, текст

© ООО «Издательство АСТ»

1 глава

Последний раз, когда я смотрела в окно автомобиля на такие до боли знакомые пейзажи, я даже не думала о том, что покидаю эти места навсегда. Меня пожирала совсем иная тоска. Я потеряла намного больше, чем возможность просто оставаться в родном городе и в родной стране. Гораздо страшнее не чувствовать эту горечь эмигранта, который покидает родину, потому что иная потеря затмевала все эмоции, делая их ничтожными. Какая разница, на каком краю света грызть подушку, выть по ночам? Особенно если особо и выбора не оставалось.

Сейчас, глядя в окно такси, я снова ловила себя на мысли, что думаю только о том, успею ли я на похороны и почему Руслан не отвечает мне на звонки. В который раз я набирала его номер и слушала монотонный голос на автоответчике. Еще нет паники, но есть то самое предчувствие, от которого сердце болезненно сжимается и уже не разжимается, а начинает саднить в груди. Я написала несколько сообщений Руслану и закурила, глядя, как проносятся перед глазами деревья, однотипные здания, так сильно отличающиеся от красочных строений Валенсии. Все-таки человек счастлив совсем не там, где его родина, а там, где он чувствует себя, как дома. Для меня дом был рядом с Русланом и детьми. Да, я наивно предполагала, что могу быть уверенной в завтрашнем дне, как и в мужчине, который находился рядом со мной.

…Как трудно рассказывать кому-то о счастье. Вдруг ловишь себя на мысли, что и говорить особо нечего. Это о горе можно писать целые трактаты, а счастье оно настолько воздушно, невесомо и мимолетно, что о нем лучше молчать, чтобы не спугнуть. Да и зачем разговаривать, если оно настолько оплетает твой мир, что со стороны кажется – ты светишься невидимыми неоновыми вспышками эйфории. Когда просто хочется сжимать ЕГО руку, сплетая пальцы, и смотреть на мир безумными глазами, и беззвучно кричать: «Разве вы не видите, как мне хорошо, как я летаю? Это вам кажется, что я хожу, а на самом деле я лечу. Высоко-высоко».

Первое время боишься этот полет спугнуть, неправильно взмахнуть крыльями или вдруг понять, что просто спишь, и тебе все это снится, а потом привыкаешь парить и взлетаешь все уверенней и уверенней, выше и выше, забывая о набранной высоте и о том, что стихия неба над тобой непредсказуема.

Но как можно о чем-то думать, если слепит солнце и небо кристально чистое?

Я открывала глаза по утрам и еще несколько минут лежала в тишине, вдыхая его запах, слушая биение сердца или рассматривая каждую черточку лица, трогая скулы кончиками пальцев, пока он не открывал глаза и не опрокидывал меня на спину, жадно сминая мою кожу горячими ладонями, накрывая собой и врываясь в мой полет приземленно-прекрасной пошлостью неутомимой молодости. Меня шатало от усталости, я замазывала тональным кремом синяки под глазами и все равно видела в зеркале неприлично счастливую женщину, которую беспощадно имели всю ночь напролет и непременно отымеют в следующую и в ту, что последует за ней.

Иногда я засыпала чуть ли не стоя с Русей на руках или помешивая кашку у плиты, на диване у телевизора, за компьютером в процессе очередной работы над новыми проектами. Руслан открыл для меня компанию по дизайну интерьера, и теперь я целыми днями занималась только фирмой, искала новые кадры, запускала проекты, ездила на объекты. Мама нянчилась с нашими детьми, а сам Руслан вкладывал все силы в свой бизнес по перевозкам, который только начинал набирать обороты в Испании и в России. Он сдержал слово – ничего нелегального. С прошлым покончено. По крайней мере, с тем прошлым, от которого тянутся кровавые следы и тени от решеток на окнах.

Рядом с ним я забывала сколько мне лет, мне казалось, что я моложе, глупее и наивнее школьницы. Все стереотипы были разрушены, сломлены и бесполезным грузом отправлены в чулан к приметам и суевериям. Я забыла о своих страхах насчет нашей разницы в возрасте и о молодых девушках, которые окружали его на работе и плотоядно заглядывали в глаза в надежде заполучить в свою постель перспективного босса. Руслан заставлял меня верить, что для него я единственная и неповторимая. Женщина остается женщиной, пока она желанна. Она остается молодой и красивой, пока рядом есть тот, кто в любом возрасте скажет ей: «Я люблю тебя, маленькая». И не просто скажет, а докажет тысячи, сотни тысяч раз: взглядами, яростными толчками внутри её разгоряченного тела, хриплыми стонами и голодным «я хочу тебя сейчас». Везде. В любую секунду. Требовательно и властно без малейшего шанса на сопротивление. Иногда посреди рабочего дня врываясь в дом, сбрасывая на ходу одежду и жадно глядя, как я кормлю Русю грудью, чтобы потом терзать набухшие соски голодным ртом и рычать от наслаждения, когда капли молока будут попадать ему на язык. Иногда присылать за мной машину, чтобы я приехала к нему немедленно, и, закрыв кабинет на ключ изнутри, остервенело трахать меня на рабочем столе, расшвыряв папки и ценные бумаги, или, пока в банкетном зале молодого владельца компании ждали партнеры по бизнесу, я, стоя на коленях, ласкала его член ртом. А иногда, зажав сотовый между ухом и плечом, я яростно

растирала себя между ног дрожащими пальцами так, как он говорил мне вкрадчивым голосом в трубку, пока я не начинала кричать ему в ухо от беспощадного оргазма и не слышала в ответ его хриплый стон, представляя, как сильные мужские пальцы пачкаются спермой, когда он кончает, едва заслышав мои крики. На расстоянии тысяч километров от меня и все же со мной, и мысленно во мне.

Я начала забывать о его прошлом, о том, почему мы живем в Валенсии, и я так ни разу и не съездила на Родину, почему у него новые документы, и почему он целый год прятался вдали от меня и даже не мог сообщить, что он жив. Счастье не любит задавать вопросы, ему не нужны ответы. Оно живет здесь и сейчас, оно живет в завтра и послезавтра, но не в прошлом. Счастье не любит, чтобы его омрачали, оно слишком эгоистично и слепо. То, что когда-то с Сергеем казалось мне серой рутиной, рядом с Русланом играло какими-то мистическими красками счастья.

Я иногда задумывалась об этом и понимала, что дело не в быте и не в привычке, а дело в выборе. Жить нужно только с тем человеком, с которым хочется по утрам открывать глаза и улыбаться, когда первые мысли, которые приходят в голову, это о его запахе, о том, как забавно он натягивает носки, когда опаздывает в офис, и как трогательно целует спящую дочь перед уходом. Как смешно выглядит пена для бритья на его скулах и как обворожительно на мне смотрится его футболка.

Представлять, каким он будет через десять, двадцать лет, и понимать, что буду любить его любым. Даже лысым, толстым и старым. И меня не раздражает поднятая крышка унитаза, недоеденный сэндвич, футбольный матч и пустые бутылки из-под пива на журнальном столике.

Ты доедаешь этот самый сэндвич, запивая ЕГО чаем, на ходу засовывая пустые бутылки в мусорный пакет и проверяя в программе передач, когда будет очередной матч, чтобы сказать ему об этом, запастись любимыми острыми чипсами и выучить имена всех игроков сборной, за которую он болеет, а потом засовывать в стиральную машину его рубашки, футболки и сожалеть, что через пару часов они будут пахнуть порошком, а не запахом его тела. Вот из чего состоит счастье.

Кто-то скажет, что, возможно, с Сергеем нам многое не позволяли финансы, тогда как Рус обеспечил нам безбедное существование, но я тысячи раз думала

о том, что, не будь у меня и копейки, я все равно чувствовала бы то же самое.

Этой ночью я проснулась в постели одна, потянулась и приподнялась, натягивая повыше одеяло и вглядываясь в силуэт Руслана за прозрачными гардинами. Курит на веранде. Бесшумно встала, натянула трусики, халат и босиком пошла к нему, нежно обняла Руслана сзади, запуская руки под его майку, наслаждаясь прикосновением к гладкой, горячей коже:

– Почему не спишь? Еще так рано.

Обхватил мои руки своими и крепко сжал.

– Отец звонил, просил, чтобы я приехал.

– Когда?

Тревожно забилось сердце, и я напряглась. Так бывало всегда, когда Руслан должен был уехать. Мне становилось страшно, что Царев-старший снова втянет его в какую-нибудь авантюру и что там, где нет меня, Руслану обязательно грозит опасность. Это глупое чувство, что, пока любимый человек рядом, ты можешь что-то контролировать и предотвратить, а стоит ему отдалиться, и ты уже ничего не контролируешь.

– Как можно быстрее. У него возникли проблемы с предвыборной кампанией.

Руслан вдруг резко развернулся вместе со мной так, что теперь я стояла у перил спиной к нему, а он сзади, опираясь на руки и преграждая все пути к отступлению.

– Что-то случилось? – осторожно спросила я, пытаясь увернуться от его губ, которые оставили влажную дорожку на моем плече и переместились по шее к затылку.

– Да, – шепнул мне на ухо и провел кончиками пальцев по ключицам, – случилось. Ты вылезла из постели и надела на себя эти тряпки.

Его руки заскользили по моим бедрам, поднимая шелк халата до пояса, но я хотела, чтобы он ответил на мой вопрос, и поэтому сжала его запястья.

– Я серьезно. Ты ездил туда месяц назад и говорил, что теперь отец приедет к нам.

Руслан провел языком по моему затылку по кромке корней волос, пробираясь к мочке уха, и, закусив чувствительную кожу, пустил по моим венам заряд электричества.

– Говорил, – ответил хрипло, заставляя покрыться мурашками, когда его язык прошелся по моей шее снова, оставляя влажные следы. Стиснул ладонями ягодицы и прижался к ним пахом, давая почувствовать его возбуждение, – говорил, чтобы спала голая, – схватил за волосы на затылке, погружая в них пальцы, и заставил наклонить голову вперед, продолжая жадно ласкать губами мой затылок, – говорил, чтобы не надевала трусики, – разорвал тонкий шелк и в тот же момент прикусил затылок, заставив охнуть и схватиться за перила, – говорил, что не люблю, когда ты, вместо того, чтобы стонать, много разговариваешь, – раздвинул мне ноги коленом и проник в меня сразу тремя пальцами, вырывая из груди стон, – говорил?

Сильно сжал волосы и потянул на себя, накрывая второй рукой грудь, сжимая сосок сквозь тонкий шелк и заставляя снова застонать ему в губы.

– Говорил? Не слышу!

Погрузил пальцы глубже, выскальзывая наружу и дразня пульсирующий клитор, я начала забывать обо всем, отдаваясь ласке, пока она вдруг не прекратилась, и я жалобно не простонала:

– Говорил…

– Что говорил, сладкая? – сжимает пальцами бугорок плоти и тут же отпускает пальцы, заставляя тереться о них инстинктивно, другой рукой обхватывая за шею.

– Говорил, – насаживаясь на его руку и закатывая в изнеможении глаза, когда пальцы снова находят клитор, – только не останавливайся… пожалуйста.

Чуть позже, когда я лежала опрокинутая навзничь на постели, обессиленная, тяжело дыша и глядя ему в глаза, все еще наполненная им до краев, тихо спросила:

– Почему отец позвал тебя?

– Подписать какие-то бумаги на месте по передаче бизнеса. Это ненадолго. Пару дней максимум.

Но он всегда так говорил, а мог задержаться и на неделю.

Скатился с меня и привлек к себе на грудь.

– Не переживай, я обещал, что с прошлым покончено, значит, ты должна мне верить. Засыпай. До рассвета еще три часа, а Руся не даст тебе поспать.

И я верила. Мне безумно хотелось верить, как любой влюбленной, счастливой женщине, которая смотрит на мир сквозь призму розовых очков, и не важно, сколько ей лет. Любовь делает идиотами как малолеток, так и стариков, как политиков, так и преступников. Нет никаких законов или критериев. Словно болезнь. Без разбора. Скосить под корень все трезвые мысли и взгляды на реальность, обнажая только эмоции, делая беззащитными.

Я проводила его в аэропорт поздно вечером, долго целовала и ерошила его волосы, поправляла воротник куртки и снова целовала.

– Я позвоню тебе, как только доеду.

Я кивнула и наконец-то разжала пальцы. Где-то там фантомно заболели крылья, словно их слегка надрезали у основания.

Вечером этого же дня в новостях передали, что накануне ночью, в своем автомобиле найдены мертвыми известный бизнесмен Царев Александр Николаевич и его супруга.

Никаких подробностей не сообщалось. Меня трясло, как в лихорадке, целую ночь, я перерыла весь интернет в поисках дополнительной информации, но нашла лишь короткие заметки. Звонила Руслану, но его сотовый был постоянно закрыт. Дождавшись утра, я купила билет и первым же рейсом вылетела из Валенсии.

И сейчас я думала только о том, как там Руслан? Держится ли он после этого страшного известия? Что произошло на самом деле? Мне хотелось быть рядом с ним немедленно, убедиться, что все в порядке, поддержать его своим присутствием. Ведь я ни разу с тех пор, как уехала в Валенсию, не приезжала на родину. Несколько раз Руслан предлагал съездить, говорил о том, что все страсти давно улеглись, и нам с детьми ничего здесь не грозит, но мне всегда было страшно вернуться, словно заставить себя окунуться в то самое чувство безысходности и сомнений.

Мне было проще оставить прошлое Руслана за тысячи километров от нас, словно в какой-то уверенности, что именно расстояние гарантирует мне уверенность в том, что с этим покончено.

Я ошибалась. Где бы ты ни был, страхи неизменно следуют за тобой. Пусть они блекнут, и ничего о них не напоминает, но это не значит, что их больше нет. Они, как маленькие, кровожадные демоны, дремлют в глубине сознания, истощенные и голодные, ожидая той самой проклятой пищи, от которой начнут увеличиваться в размерах.

Потому что каждый раз, когда Руслану звонили с заграничных номеров, внутри что-то замирало, и демоны открывали глаза.

Я снова нажала кнопку вызова и снова услышала голос с автоответчика. Растерянно посмотрела на дисплей, словно в который раз убеждаясь, что номер набираю верно. Никогда раньше не бывало такого, чтобы Руслан не отвечал и не перезванивал. Меня почему-то всегда пугало чье-то исчезновение больше, чем самое страшное известие. Вот эта глухая тишина по всем фронтам, когда мечешься от бессилия и прокручиваешь в голове самое ужасное.

Внезапно таксист повернулся ко мне и спросил:

– Вы уверены, что не ошиблись адресом?

Я посмотрела на мужчину через зеркало заднего обзора:

– Абсолютно уверена. Это верный адрес. Сколько нам еще ехать?

Таксист пожал плечами:

– По идее, мы давно приехали, но, как видите, здесь пустырь и заброшенная стройка. Я сделал несколько кругов по району, но мне кажется, что-то не так с тем адресом, что вы мне дали.

Я посмотрела в окно. Действительно, пустырь. Ни одного жилого дома. Вдалеке виднеется новостройка. Перепроверила адрес – все верно. Руслан давал мне его еще, когда ездил сюда первый раз. Сказал, что купил квартиру в новом районе и что, если я когда-нибудь решусь приехать в родной город, нам будет где остановиться. Присылал также фото той квартиры.

– Это верный адрес. Может быть, вы плохо знаете это место. Район-то новый.

– Я хорошо знаю город, кроме того, я еду по навигатору. Улицы, которую вы мне назвали, не существует, но я нашел сам район и кручусь здесь уже несколько минут.

Я набрала Руслана в очередной раз и в отчаянии отключилась, как только снова услышала автоответчик.

Возможно, я и правда что-то неверно записала, да и Руслан, скорее всего, сейчас в доме отца.

– Тогда отвезите меня по другому адресу, пожалуйста.

Таксист кивнул, а я опять почувствовала, как сжалось сердце.

2 глава

Услышав новый адрес, таксист как-то сразу подобрался, выпрямился за рулем и поправил воротник рубашки. Я увидела, как он затушил сигарету в пепельнице и сделал тише радио. Невольное дежа-вю словно отшвырнуло назад, в тот самый день, когда я впервые приехала к Цареву-старшему, и моя жизнь вывернулась наизнанку. Реакция у того таксиста была очень похожа, словно я назвала адрес в резиденцию дьявола. Впрочем, Царев-старший для многих был похлеще этого самого дьявола. Я мало задумывалась об этом раньше, но ведь и меня он пугал, когда я только познакомилась с ним.

– Вы журналистка? – таксист откашлялся и вцепился в руль, вглядываясь вперед. В морось октябрьского дождя, который монотонно бил в стекло мелкими каплями, зачеркивая лето штрих-кодом приближающихся холодов. В воздухе насыщенно пахло осенью, мокрыми опавшими листьями и свежестью, смешанной с запахом костров и сырости. Я невольно поймала себя на мысли, что вдыхаю этот запах полной грудью. Я соскучилась по нему. Есть иногда крохотные мелочи, которые вызывают бурю эмоций и воспоминаний. И если еще полчаса назад я думала о том, что мой дом там, где Руслан и дети, то сейчас я отчетливо поняла, что на самом деле только дом пахнет именно так, что у тебя сводит скулы, и перед глазами проносятся образы из детства, а в груди щемит тоскливое чувство странного удовлетворения и понимания, как сильно мне всего этого не хватало.

– Нет, я разве похожа на журналистку?

– А черт их знает, на кого они похожи. Мы там спокойно не проедем, все дороги перекрыты из-за этого убийства олигарха. У Крутиков свои развлечения. Воюют между собой, отстреливают мозги друг другу, а нам, обычным людям, страдай. Я сегодня утром вообще не мог проехать по тому району. Словно не бизнесмена пристрелили, а самого президента. Бандюки и есть бандюки. Возомнили себя царями.

Прозвучало настолько двусмысленно, что мне стало не по себе. Я судорожно сглотнула.

– А его застрелили? В новостях этого не передавали.

– Кто ж вам такое в новостях передаст? Но такие своей смертью не умирают, притом вместе с супругами. Заказное, видать. Ничего никто не найдет, как всегда. Суета для вида. Потом сами найдут и сами линчуют, а менты им задницы прикроют. Эх. Все продажные. Куда мир катится?

В такие моменты мне хотелось ответить небезызвестной цитатой, автора которой я, к сожалению, не помню, что мир катят те, кому на это хватает ума и сил, а остальные бегут следом и спрашивают, куда же он катится, вместо того чтобы потеть и толкать с остальными. Как быстро мы меняемся под давлением обстоятельств. Где-то полтора года назад я бы с ним согласилась, а сейчас это слишком касалось меня самой, чтобы не почувствовать раздражение за эту тираду, которая была более чем справедливой. Только теперь я тоже относилась к миру «бандюков», как выразился таксист. Точнее, я относилась к любимому мужчине и приняла его мир, а этот проклятый мир принял меня… Или не принял.

Таксист свернул возле указателя к первым «крутым» постройкам, больше похожим на мини-дворцы, от взгляда на которые почему-то вспоминались нищие кварталы и бомжи под лавками городских парков, контрастом, как плевок в лицо, словно это я и обирала несчастных, отстраивая себе особняки. Рядом с роскошью, как и рядом с убожеством, чувствуешь себя неуютно.

Таксист сбавил скорость.

– Поедем в объезд. Там менты кругом, а эти твари найдут к чему придраться.

Мне было все равно, как он поедет, мне хотелось, чтобы это было быстрее. Хоть по воздуху. Увидеть Руслана и понять, что с ним все в порядке. От нетерпения я нервно стучала зажигалкой по колену, кусая губы. Таксист покрутился между шикарными постройками и свернул к обочине.

– Дальше не поеду, – назвал сумму за проезд, явно завышая цену, а мне было уже все равно, сколько ему заплатить.

Когда вышла из машины, в лицо подул сильный ветер, и я поежилась от холода, сжала сумочку ледяными пальцами. Таксист выгрузил мой чемодан на дорогу и быстро сдал назад.

Я взялась за ручку чемодана, выдвинула ее вверх и покатила его за собой, вглядываясь в вереницу машин у высокого забора. Словно на охоте, повсюду виднелись репортеры с камерами, нацеленными на окна дома. Полиция обосновалась чуть дальше. Я видела, как они разливают кофе из термоса в пластиковые стаканы. Меня вначале не заметили, да я и привыкла. Никогда не любила бросаться в глаза, и это не изменилось. Я часто поражалась, насколько мы с Русланом разные. Он – в неизменных футболках и рваных джинсах, татуированный, с серьгой в ухе, ия – в элегантных костюмах, блузках, платьях, и поскромнее, понезаметнее. Никогда не понимала стремления к вычурности и яркости. Бывало, одевалась ему под стать, но все же это было не мое.

– Вы к Царевым?

Я резко обернулась и, завидев камеру, тут же отвернулась:

– Да, к Царевым.

Репортер бросил взгляд на мой чемодан и с любопытством осмотрел меня с головы до ног.

– Родственница?

– Можно и так сказать.

– На похороны приехали? Вы опоздали, церемония началась двадцать минут назад.

Я проигнорировала его слова, и так знала, что опоздаю. Направилась к домофону, нажимая знакомую комбинацию цифр. Мне ответили не сразу. Я назвалась и снова обернулась на журналистов, потом на полицейских – первые заинтересованно смотрят на мой чемодан, а вторым вообще фиолетово, кто пришел к дому. Скорее всего, им просто приказано здесь дежурить. Перевела взгляд на домофон, мне все еще не открыли, и я снова нетерпеливо набрала цифры.

– Ожидайте, – немного раздраженно.

Черт бы их всех побрал с этой охраной.

– Руслана Александровича нет дома, он уехал на похороны. Сейчас не лучшее время для визитов, – спустя пару секунд, – вы можете приехать в другой день или передать ему сообщение. Я не могу сейчас его тревожить, а впустить вас в дом без его ведома не положено.

Я нахмурилась. Что, черт возьми, происходит? Получается, в этом доме даже не знают о моем существовании. А как же фотографии, которые Царев-старший увозил с каждой поездки к нам и говорил, что нашими лицами увешан весь его дом? То, что начальник охраны прекрасно видел меня на мониторе, было понятно сразу. Значит, для него моя физиономия чужая.

– Руслан будет очень недоволен, если вы меня не впустите. Я устала с дороги.

– Простите, но мне не велено никого впускать.

Снова отключился, а я от злости выдохнула и снова набрала.

– Женщина, не вынуждайте меня принять меры.

Женщина! Как резануло слух. Звучит, как бабушка. Какое-то очередное напоминание о том, что далеко не девочка. Менталитет нашей страны неискореним. После двадцати уже старая кляча, вышедшая в тираж, и никаких церемоний. В Валенсии я начала забывать об этом. Там никто не смотрит на возраст, классовые различия, и всем совершенно наплевать, во что ты одет и какая у тебя прическа.

– Это вы не вынуждайте меня принять меры, – ответила зло, почти срываясь на крик. Как же я ужасно устала и сейчас близка к истерике, в ярости выпустила ручку чемодана, понимая, что привлекаю внимание журналистов, но мне уже было наплевать. Я провела в дороге слишком много времени, перенервничала так, что сейчас у меня срывало все тормоза, и я хотела поговорить с Русланом. Самое обычное, черт возьми, желание, которое вдруг стало напоминать недосягаемую фантазию. Да, и войти в его дом оказалось равносильно попытке проникнуть в Кремль во времена коммунизма.

В этот момент к дому подъехала машина. Я даже не обратила внимание, а прожигала взглядом домофон. Еще секунда, и я устрою скандал. Плевать, что на меня это не похоже. Мне посигналили, и я резко обернулась – стекло со стороны водителя опустилось, я увидела Серого, он подался вперед:

– Садись в машину, Оксана.

Повернулась к дому и снова перевела взгляд на Серого.

– Оксана, прошу тебя, давай без истерик. Я потом все объясню. Поехали!

Я не успела возразить, а Серый уже грузил мой чемодан в багажник под щелканье фотокамер и любопытные взгляды.

* * *

– Что происходит? – спросила я, как только он отъехал от дома, выруливая на дорогу.

– Убили Александра Николаевича и Ирину Максимовну. Руслан на похоронах. Он в ужасном состоянии. Непрекращающиеся вопросы полиции, его осаждают журналисты, кредиторы отца…

– Сергей! Я знаю о гибели отца и матери Руса! Иначе меня бы здесь не было! – я выдохнула и посмотрела на парня. – Это я! Оксана! Не какая-то там непонятно кто! Он не отвечал мне на звонки два дня! Два чертовых дня я сходила с ума, пока ехала сюда, оставив детей в Испании. Для чего? Чтобы мне даже не открыли дверь? Охрана меня не узнала!

Серый протянул мне сигарету:

– Покури и успокойся. Руслан прежде всего думает о тебе и о детях. Он не хочет, чтобы ты мелькала перед домом и тебя видели журналисты. Это ради твоей безопасности. Еще неизвестно, кто убил Царя и зачем. Приезд близких может стать еще одним способом достать Руслана, надавить на него.

Я сунула сигарету в рот, и Серый чиркнул зажигалкой. Звучало более чем убедительно. Но по спине пробежал холодок. Я снова окуналась в это болото, где каждый шаг мог быть последним.

– Куда мы едем?

– Я снял квартиру, как только Русу сказали, что ты вышла из самолета.

Черт возьми! Получается, Руслан прекрасно знал, что я приехала! И не отвечал мне? Намеренно?

– А что с его квартирой? – спросила я, нервно постукивая подушечками пальцев по сумочке.

– Какой квартирой?

Серый наконец-то выехал на трассу и прибавил скорости.

– С той, что он купил.

– Не помню, чтобы Бешеный покупал хату. Может, он не сказал мне. Оксан, ты успокойся. Сейчас не самое лучшее время для выяснения отношений. Мы все в шоке, с этим нужно разобраться, и это не произойдет так быстро, как мы хотим! Поверь, на Бешеного столько навалилось, что я еще удивляюсь, как он не сломался и не сидит на водяре с утра до вечера. Я оставлю тебя в квартире и поеду на похороны. Рус вечером приедет к тебе. В хате все есть. Я скупился. Но если что-то надо – там наличка в ящике трюмо в спальне.

Мы въехали в новый район, и Серый притормозил.

Через пару минут он уже открывал входную дверь в шикарную квартиру в центре города. Сунул ключи мне в руки и уехал. А я так и осталась стоять посередине комнаты с чемоданом и в полном недоумении, чувствуя, что напряжение не только не отпускает, а начинает набирать обороты.

Я позвонила маме, чтобы немного успокоиться, поговорила с Ваней, который взахлеб рассказывал мне о новой компьютерной игре и как бабушка разрешает

ему играть в нее, в отличие от меня, а Руся требует конфет и мультики. Я слушала рассеянно, постоянно думая о том, что сказал Сергей – об убийстве родителей Руслана, и понимала, что мне страшно. Словно я вдруг выдернула голову из песка, как тот страус, и увидела, что опасность не просто не миновала, а смотрит мне прямо в глаза, заставляя содрогаться от ужаса.

* * *

Руслан одернул простынь и сжал челюсти с такой силой, что показалось, по зубам пошли трещины. Боль от потери бывает разной, как и реакция на нее, им овладевала ярость. Глухая, черная ярость, она заволакивала сознание, продираясь сквозь слепоту и глухоту шока после страшного известия. Руслан никогда не знал, как мог бы отреагировать на подобное горе, но он и предположить не мог, что вместо саднящего, опустошающего чувства потери у него возникнет это дьявольское желание убивать. Смотрел на круглое отверстие во лбу отца, переводил взгляд на мать, которая казалась неестественно хрупкой и маленькой под белоснежной простыней, и понимал, что у него крошатся кости и впиваются в мясо от дикого желания найти того, кто это сделал, и выпустить ему кишки в полном смысле этого слова. Взгляд застыл, как стекло… вместо синеватых лиц покойников он видел, как отец что-то кричит ему и указывает пальцем на дверь. До дикости захотелось вернуться в те дни, когда это было возможно. Оказывается, когда человек уходит навсегда, начинаешь тосковать даже по скандалам, даже по самым болезненным словам, но только бы этот человек говорил, ходил, дышал, жил. Все кажется таким мелким, незначительным, пустым в сравнении с пониманием, что больше никогда не услышишь даже слова или собственного имени.

– Вы уверены, что не хотите провести вскрытие, при насильственной смерти…

Руслан резко посмотрел на следователя. Ленивая, тупая задница с наглухо отмороженным взглядом и прилизанными к полулысому черепу волосками серо-буро-поцарапанного цвета. Понимает, что ни хрена не сделает, и создаёт видимость работы, оправдывая жирный конвертик, полученный несколькими часами ранее у себя в кабинете, чтоб сильно не дергался и не усердствовал свыше меры, где не надо.

– Более чем уверен. Вам это ничего не даст, как и мне, прекратите ломать комедию. Займитесь видимостью работы и не путайтесь под ногами.

Хотел добавить, что ему достаточно за это платят, но не стал. Руслан вышел из комнаты для опознания и почувствовал, как предательски саднит в груди, как першит в горле и хочется послать всех на хрен, чтобы позволить отчаянью рвануть наружу.

У него было чувство, что его швырнули в холодную воду, под лед, и заставили плыть со связанными руками, он, бл**ь, нахлебался и идет ко дну. Притом идет ко дну не сейчас, а уже давно. А сейчас страховку подрезали, и он прекрасно понимает, что барахтаться бесполезно, все равно утянет, на ногах уже свинцовые гири в виде Оксаны и детей, драгоценные гири, которые не скинуть и скидывать не хочется, лучше сдохнуть. Не будь этих гирь, взял бы ствол и всех порешил. Виноватых, не виноватых. На том свете разберутся – кого, куда и за что, и никакого правосудия. Только высшая мера.

А так – на шее гребаная удавка, он ее тянет за середину, пытаясь вздохнуть, а она, сука, захлестывает все туже. Сплошная ложь, как болото.

Сто раз смотрел на входящие от Оксаны и не знал, что ответить. Как ей объяснить, что они, мать его, по уши в дерьме. Точнее, он, и притом давно. Откладывал разговор, трусливо, с жалкой надеждой, что проблема рассосется.

Серый вбил последний гвоздь в крышку его гроба намертво, когда сообщил, что Оксана вышла из самолета и взяла такси. Приехала, а он, идиот, мог бы и предвидеть, что она так поступит, но его парализовало после того, как увидел трупы отца и матери, мозг атрофировался наглухо. Внутри росло непонятное чувство вины, словно это он сам спустил курок.

Твою ж мать! Руслан несколько раз врезал по рулю так, что пальцы свело и суставы захрустели. Ну куда ее принесло? В самое пекло. Его самого перемалывает, как в жерновах, а теперь и ее начнет ломать. Вопрос времени – когда?

Приказал Серому снять ей квартиру и резко выдохнул, когда пальцы стиснули смартфон, погладили дисплей после ее эсэмэски.

Дрожат руки. Суки. Предательски, как у пацана. Дрожат, потому что страшно. Потому что терять не хочется, до боли, до тошноты не хочется. Уже потерял.

Детские игры окончились, империя Царева рухнула ему на голову, как проклятая египетская пирамида, вместе с мумиями и крысами. Придавило костями и золотом. Это не тачки угонять и не стволом на рынке размахивать. Это взвалить на себя все дело отца и попытаться сделать вид, что у него не рвутся связки и пупок не развязывается, а заодно внимательно смотреть по сторонам, потому что кто-то обязательно захочет отыметь неоперенного Царева-младшего во все отверстия, стоит только прогнуться под тяжестью груза.

Втянул носом воздух и скривился, сплевывая в окно. Сотовый снова зазвонил, и Бешеный ответил, сунув в рот сигарету:

– Да!

– Знаю, что тебе сейчас не до этого, Руслан, но нам нужно все обсудить. Дела не терпят отлагательства. Люди уходят, а проблемы остаются, и кому-то их нужно решать.

Усмехнулся криво, зло и затянулся сигаретой. Люди уходят. Да, бл***ь, родные люди! Его, Руса, семья! И не уходят, а их отстреливают, как скот, безнаказанно отстреливают и продолжают жить и дышать после этого. А Руслану кажется, что он поджаривается на углях собственного бессилия и ничтожности.

– Решим, Дмитрий Олегович, – стараясь держать себя в руках… в тех самых руках, которые ходуном ходят от желания пристрелить падлу на том конце линии.

– Кредиторы телефоны обрывают.

– Вызовите техника – починят.

– Что?

– Ничего. Говорю, что порешаем проблемы, отца с матерью дайте похоронить, и порешаем, может, на кладбище папочки разложите?

– Ты не кипятись, Рус. Я добра тебе желаю. Поди, не чужие.

«Да с такими близкими чужие сиамскими близнецами покажутся».

– Встретимся на кладбище. Надеюсь, ты со своей любовницей разберешься, и она не устроит нам неприятности?

Руслан стиснул смартфон с такой силой, что еще секунда – и по дисплею расползется паутина трещин. Мать его, держит Руса за яйца и прекрасно об этом знает.

– Вас это не касается. Не лезьте не в свое дело.

– Касается! Еще как касается. Там журналистов будет как собак нерезаных, и все они жаждут сенсаций, я не хотел бы огорчать…

– Все! Хватит! Займитесь кредиторами и бумагами. После похорон я буду занят, а завтра поговорим.

– Надо бы сегодня.

– У меня, бл***ь, траур. Подождете!

Отключил звонок и сжал переносицу двумя пальцами.

«Что ж ты, папа, так меня подставил?! И ничего… не сказал?!»

Не успел… Видимо, не успел. Кому-то очень надо было закрыть Царю рот до того, как тот смог бы поговорить с сыном.

3 глава

Я не заметила, как уснула, вот так, в одежде, на диване, под тиканье настенных часов, в гробовой тишине ожидания. Когда ждешь, время вдруг становится словно бесконечной бездной океана, это как видеть берег в момент отлива, плыть изо всех сил и не приблизиться ни на миллиметр. От пребывания в воде

ноги сводит судорогами, и, хватая воздух, понимаешь, что легкие наполняются водяными секундами, минутами, запаса кислорода катастрофически не хватает. Обратный отсчет покалывает в висках, саднит в груди, а легкие разрываются от естественного желания вздохнуть. Тот, кто хоть раз в жизни тонул, знает, что будет дальше – паника. Она заставит лихорадочно молотить руками по безжалостной глади времени и идти ко дну все быстрее, следя остекленевшим взглядом за секундной стрелкой, которая упорно показывает все тот же берег во время отлива. Берег, к которому ты так и не можешь доплыть, а ведь вчера еще твердо стояла на нем обеими ногами и смотрела на время-океан, как просто на красивую стихию.

Я проснулась от прикосновения. Очень осторожного, по щеке, вдоль скулы кончиками пальцев. Распахнула глаза и несколько секунд смотрела в темно-карие омуты, на дне которых плавился мой личный бесконечный запас кислорода. Слегка подернуты дымкой, под нахмуренными бровями, на осунувшемся небритом лице. А вот и он, берег! Всхлипнула, рывком обняла Руслана за шею, прижалась всем телом и сделала первый вздох, мучительно болезненный, все еще с отголосками паники. Наслаждение на пару минут, пока его горячие ладони гладят мою спину, волосы, а потом пришла ярость. Оттолкнула его от себя:

– Три чертовых дня! ТРИ! Ни ответа, ни звонка!

Перехватил мои руки, притягивая к себе, а я уперлась ладонями ему в грудь, все еще пожирая тот самый кислород в его наглых глазах, которые так хочется одновременно и выцарапать, и целовать до изнеможения: веки, ресницы, захлебываясь от идиотской нежности на грани с безумием. Проклятый мальчишка. Самоуверенный, бескомпромиссный, упрямый. Тянет к себе, игнорируя сопротивление.

– Нет! – отталкивая, уворачиваясь от голодных поцелуев и пальцев, лихорадочно скользящих по моему телу. – Просто скажи – почему? Какого черта молчал? Я же с ума сходила!

Сжал мои плечи до хруста в костях, набрасываясь на мой рот горячими губами, а я верчу головой, впиваясь ногтями в его запястья, не позволяя утянуть в безумие.

– Лжец! Никакой квартиры нет! Ты мне врал!

Обхватил мое лицо ладонями и, сильно сжимая скулы, посмотрел в глаза.

– Врал.

– Почему?

Прозвучало жалобно, и я себя возненавидела за то, что почувствовала, как внутри ярость сменяет восторг ощущать его так близко, вдыхать запах сигарет, одеколона и его тела.

– Так было нужно, – смотрит на губы и водит по нижней большим пальцем, словно в прострации, словно сам себе, и взгляд потерянный, отрешенный.

Я даже не представляла себе, сколько раз потом я услышу от него это проклятое «так было нужно».

– Кому?

– Мне! И тебе! НАМ! – посмотрел в глаза и дернул блузку за воротник, отрывая все пуговки, которые, как горошины, покатились на ковер, – просто запомни, Оксана, все, что я делал, делаю или сделаю, прежде всего нужно НАМ.

Разве можно устоять, когда мужчина говорит это слово «НАМ»? Почему-то женский идиотизм заключается именно в способности зацикливаться на том, что мы хотим услышать. Еще одна попытка вырваться, а губы уже сами ищут его рот, чтобы проглотить это «нам», ощутить, как оно растекается по телу электрическим током возбуждения, как от голода начинает сосать под ложечкой, сводить скулы, и нестерпимая боль ломит все тело. Боль от жажды убедиться, что он рядом каждой клеточкой внутри и снаружи.

– Ты не отвечал на звонки, – прямо в его губы, постанывая, чувствуя, как большими пальцами гладит соски, стянув лифчик на пояс.

– Не мог, – скользит по шее приоткрытым ртом, задирая юбку, раздвигая мне ноги коленом, спускаясь губами к напряженным соскам, дразня их кончиком

языка.

– Просто, черт тебя раздери, сказать, что ты в порядке? Не мог? – всхлипнула от резкого проникновения пальцев внутрь моего разгоряченного тела.

– Да… – выскользнул наружу и снова вошел, давая прочувствовать каждую фалангу, пожирая меня горящим взглядом черных глаз. – Не мог!

– Ты исчез, – выгибаясь и всхлипывая, пытаясь то ли вырваться, то ли впустить глубже наглые пальцы, – ненавижу, когда исчезают! Слышишь? Я ненавижу, когда исчезают!

Перехватила его руку за запястье, сжимая, мешая ласке.

– Мне становится страшно!

– Я бы никогда не исчез, – ускоряя толчки пальцами, закрывая мне рот жадными поцелуями, – я не мог!

Устал от моего сопротивления, перевернул на живот, подминая под себя, стягивая блузку, срывая лифчик и сминая ладонями спину, прошелся языком вдоль позвоночника, заставляя все волоски на теле стать дыбом. Быстрыми поцелуями до затылка, прикусывая нежно кожу, накрывая ладонями грудь, дразня большими пальцами соски и потираясь членом о мои ягодицы.

– Запомни – я исчезну, только если сдохну. В остальных случаях – я просто не мог. Хотел… – Скрип расстегиваемой ширинки, и его плоть скользит по моим ягодицам, заставляя прикусить губы в предвкушении, но в тот же момент упираться, сжимая ноги. – Хотел зверски, разламывался на части и, бл***ь, не мог.

Сильно сжал соски, погружаясь в меня на миллиметры, заставляя закричать, изнемогая от нетерпения, но все же отстраниться.

– Оксанааа! – выдохнул мне в затылок, сильно сжимая бедра пальцами. – Как смог – приехал.

Удерживать у самого края, не давая проникнуть и доводя до безумия и его, и себя. Скользнул пальцами между моих ног, отыскивая клитор, сжимая слегка…

– Ну же! – хрипло на ухо. – Впустиии. Сейчас!

– Нет!

А сама прогнулась, запрокинув голову, он словно только этого и ждал, ворвался резким толчком каменной плоти, до упора, выбивая протяжный стон и первые судороги наслаждения, погружая пальцы мне в рот.

– Какое сладкое «нет», ты покричишь его для меня снова?

Кивнуть и закусить пальцы при первом долгожданном толчке под его стон и шумное дыхание, обжигающее затылок.

– Давай еще раз – «НЕТ», и громче.

– Нет, – всхлипнула и обхватила пальцы губами, закатывая глаза.

– Что «нет»? Отпустить?

– Нет, – выгибаясь, срываясь на крики, чувствуя, как уносит, как плавится и горит сознание, я уже не иду ко дну, а взорвалась там, внизу, на миллиарды звезд наслаждения, агонизирую, содрогаясь в конвульсиях счастья и похоти, затмевающей и рассудок, и логику. Где есть любовь, логика отсутствует напрочь. Только голые эмоции и дикое желание не ошибиться, верить, не соскочить с крючка, а намертво на нем повиснуть, забывая о том, что еще ни один улов не остался на удочке, как, впрочем, и не остался в живых…

* * *

Пускает кольца дыма в потолок, прижимая меня одной рукой к себе, а я смотрю на его профиль, и чувство тревоги внутри не проходит. Злость витает в воздухе запахом секса и адреналина, оставляя после себя только горечь и понимание, насколько он истощен за эти дни. Как будто повзрослел на несколько лет. Куда-

то отходит обида, за черту, где сердце сжимается, потому что начинаешь ощущать его боль, спрятанную за какой-то каменной стеной сдержанности. Провела пальцами по его щеке.

– Я хотела быть рядом.

Повернулся ко мне и поцеловал в глаза.

– Я знаю. Прости.

И все равно не со мной, где-то там далеко в своих мыслях. Прижимаюсь сильнее, чтобы почувствовал – насколько я рядом. Не физически, а эмоционально.

– Что теперь будет?

Нахмурился и молчит, а мне страшно еще что-то спрашивать, потому что ответы могут по камню воздвигнуть стену между нами.

– Отца и мать убили. Их застрелил какой-то ублюдок за считанные часы до моего прилета. Приедь я на сутки раньше…

Теперь молчу я… тот самый момент, когда интуиция подсказывает, что пока он говорит, надо слушать… Та самая тонкая ниточка близости, умение держать паузу, где иногда соло все равно продолжает оставаться дуэтом, потому что даже тот, кто молчит, участвует не меньше того, кто говорит.

– Кто и почему, не знаю. Пока не знаю. Я должен в этом разобраться. Отец оставил много нерешенных вопросов, непогашенных кредитов.

И мы оба понимали, что он сейчас говорит лишь о вершине айсберга.

– Он знал, что ты отошел от дел, – тихо напомнила я.

– Я не могу отойти от дел, Оксана. Это не просто – взять и уволиться с опостылевшей работы.

Напряглась, чувствуя, как быстрее начинает биться сердце.

– А что это, Руслан?

– Это империя Царева, которая теперь принадлежит мне целиком и полностью со всем легальным и нелегальным бизнесом, – ответил Руслан. Спокойно, но пальцы сжали мои голые плечи сильнее.

– Ты говорил, что все это тебя не интересует, что ты далек от этого с того момента, как я появилась в твоей жизни. Ты… обещал мне, Руслан.

Затянулся сигаретой, все так же глядя в потолок.

– Есть обещания, которые невозможно сдержать, и не потому, что не хочешь, а потому что они обесцениваются, Оксана.

– Обещания, данные мне и детям, обесценились? Обещания, от которых зависит наша жизнь и твоя?

Освободилась от его рук и села на постели, потянулась сама за сигаретой, чувствуя, как меня начинает знобить. Уже не предчувствие, а понимание того, что ничего не осталось в прошлом, даже хуже: прошлое – сказка по сравнению с тем, что надвигается на меня. На нас.

– Именно потому, что от этих обещаний зависит ваша жизнь.

Я нервно усмехнулась. Наша жизнь была бы в безопасности, если бы Руслан никогда больше не возвращался сюда и окончательно отошел от криминального мира, в котором увяз его отец по горло. Не может быть, чтобы он этого не понимал.

– Я должен во всем разобраться, найти ту тварь, что убила отца и мать. Это мое единственное желание на данный момент, и твое присутствие здесь может помешать мне.

– Найдешь, а дальше, Руслан? Спустишь курок? Как на той парковке полтора года назад? – от его слов, что мое присутствие только помеха, в горле

запершило. – Или это все же твое давнее желание прийти к власти наравне с отцом? Извечная конкуренция, в которой раньше ты был просто сыном Царя, а теперь сам стал Царем?

После этих слов повисла тишина. Бывают фразы, сказав которые сразу же жалеешь о том, что они вырвались, но уже поздно. То самое оружие, которое люди дают нам сами, доверяя свои эмоции, не предполагая, что мы используем их в тот момент, когда они меньше всего этого ожидают. Пощечина звонко рассыпалась резонансом по комнате. Моя пощечина ему. Скрипнула кровать, и я скорее поняла, чем услышала, что он встал.

– Это мое желание разобраться в том, кто убил моих родителей, мое желание оградить вас от последствий этого убийства и, да, мое желание продолжить дело отца, а не трусливо отойти в сторону. Ты или не понимаешь этого, или упорно не хочешь понимать, устраивая истерику.

Обернулась к нему, натягивая на себя одеяло.

– Трусливо? А как же мы, Руслан? Мне теперь бояться каждого шороха? Ты приставишь ко мне охрану, к Ване и Русе? Чего ожидать мне? Я надеялась…

Он резко дернул воротник рубашки, поправляя его и начиная застегивать пуговицы. Такой родной и в то же время сильно изменившийся за эти дни, словно даже немного чужой.

– На что ты надеялась? Это был твой выбор. Добровольный. Я не тянул тебя за собой насильно, я предоставил тебе право выбора. Ты знала, кто я, чем дышу, чем живу.

– Нет, – я отрицательно качала головой, чувствуя, как глаза наполняются слезами от бессилия, – ты не оставлял мне выбора. Это был твой…

Противно. Самой. Скатиться в упреки, кто и кого выбирал. Осеклась на полуслове. Руслан вдруг подошел ко мне и рывком поднял с кровати.

– Посмотри на меня, Оксана. Я не могу сейчас поступить иначе, не смогу поступить иначе и завтра, и через год. Это больше не зависит только от меня. И

от отца уже тоже не зависит, – его голос слегка дрогнул, – но я смогу позаботиться о нас, доверься мне. Ты же моя женщина. Я не мог в тебе ошибаться. Ты доверяешь мне?

А в глазах тоска и отрешенность. Ни слова о том, как ему больно после смерти родителей, а я снова чувствую, как саднят надрезанные крылья и как сильно натянута невидимая нить между нами. Выдохнула и прижалась к Руслану, пряча лицо у него на груди.

– Да, я доверяю тебе.

И в эту секунду я действительно ему доверяла, очень хотела доверять.

– Оставайся в этой квартире до завтра. На тумбочке новый сотовый, в нем три номера в памяти – мой, Серого и Валенсии. Звони по нему. Свой отключи.

Я кивнула и судорожно выдохнула.

– Если что, Серый на связи всегда. Лучше бы ты не приезжала, Оксана.

Долго смотрел мне в глаза.

– Завтра вечером я отвезу тебя в аэропорт. Так будет намного спокойней.

Ему, но не мне!

– Я приехала не для того, чтобы завтра уехать.

– Ты уедешь, Оксана. Уедешь именно завтра.

Металлические нотки в голосе, и, подняв голову, я вдруг вижу совсем другого Руслана, его уже нельзя назвать мальчишкой, и Бешеным уже тоже не назовешь.

Он вдруг зарылся пальцами в мои волосы, сжимая мне виски:

– Уедешь и будешь ждать меня дома вместе с детьми. Пока ты здесь, я, бл***ь, ничем спокойно не смогу заниматься, – потом быстро поцеловал в губы, – мне сейчас нужно уйти решить несколько вопросов, я позвоню тебе сам.

Он ушел, а я захлопнула за ним дверь и подошла к окну, увидела, как сел за руль БМВ и сорвался с места… заскрипели покрышки, а я невольно усмехнулась – все же машину он по-прежнему водит как Бешеный.

Я подобрала свои разбросанные вещи с пола, кинула в кресло и, завернувшись в одеяло, вышла в гостиную. Автоматически, как дома, нажала на пульт от телевизора, намереваясь пойти на кухню и сделать себе кофе, но так и застыла, глядя на экран, потому что с плоского, жидкокристаллического монитора на меня смотрело лицо Руслана. Потеки дождя на кожаном плаще, морось по черному капрону зонта и судорожно сжатые челюсти Руса крупным планом.

Кадры сменились, и теперь я увидела его уже возле вереницы машин, он придерживал зонт над головой молодой женщины во всем черном, которая садилась в автомобиль, а внизу бегущая строка: «Новый владелец многомиллионного бизнеса по транзитным перевозкам. Сын кандидата в депутаты Александра Николаевича Царева, убитого двумя днями ранее вместе с женой на углу улицы… покинул кладбище сразу после церемонии вместе с молодой супругой. На вопросы журналистов Руслан Александрович отвечать не пожелал, а вот Лариса Дмитриевна охотно поведала, что в ближайшие дни её муж, Царев-младший, намерен огласить свое решение о продаже компании…»

Я почувствовала, что оседаю на пол… словно сквозь вату услышала стук пульта о паркет, проследила остекленевшим взглядом, как медленно он раскололся на две части, и крышка вместе с батарейками покатились по ковру.

4 глава

Руслан зашел в дом и швырнул куртку в кресло, взъерошил волосы, а от рук Оксаниным шампунем пахнет, как и от рубашки. Навязчиво пахнет, так, что начинает ломать и хочется обратно мчать, без тормозов, по встречной, чтобы убедиться – он все там же, этот оригинал ядовитого запаха счастья. Все вдруг стало казаться зыбким, как замки из песка. Проходящим сквозь пальцы.

Подошел к бару, распахнул дверцы, достал рюмку и графин с водкой, плеснул до краев, залпом выпил и даже не скривился, только глаза прищурил, медленно выдыхая ядерное испарение алкоголя. Дежавю… Словно это и не он вовсе, а сам Царев-старший. На этом же месте с этим же графином. Потянулся за сигаретами, бросив взгляд на часы. Олегович, падла, припрется четко по времени. Никогда, тварь, не опаздывает. Пунктуальная, скользкая сволочь. Руслан ненавидел этот тип людей, они напоминали ему психически больных ублюдков, которые наводят стерильность вокруг себя и поднимают кончиками пальцев волоски с ковра, но запросто могут расчленить кого-то в своей ванной, аккуратненько разложив потом кусочки в полиэтиленовые пакеты, и, самое интересное, не забрызгать кровью ни миллиметр вокруг себя. Отец был знаком с Олеговичем еще с далеких девяностых, особо не посвящал Руса в историю этой дружбы, троицы, которая подмяла под себя все столичные районы. Царь, Ворон и Леший. Рус знал, что они поддерживают связь на протяжении всех этих лет, но особо не вникал в дела отца. Бывали встречи в доме Царя, но чаще на нейтральной территории. Все уже давно имели солидные должности, политическую карьеру, а прошлое осталось в прошлом. По крайней мере так говорилось в их биографиях для широкой общественности.

А сам Рус их не изучал, и напрасно, но кто тогда думал о биографиях корешей Царя, если жизнь малиной сказочной казалась. Секс, бабки, стволы. Власть немереная, собственное дело маячило. Сейчас ему казалось, что тогда это была не жизнь, а какой-то марафон в погоне за сукой-удачей. Поймать, отыметь во все дыры, поднять руки повыше и заорать триумфально – я оттрахал эту шлюху первым, а она юбку одернула и помахала ручкой. Потом на могилы отца с матерью смотрел и понимал, что продажная тварь отворачивается даже от тех, кто исправно платит ей проценты кровью и золотом. Свалила, словно проститутка, которая нашла себе сутенера покруче. Например, такого, как Лешаков Дмитрий Олегович, народный депутат автономного округа N, будущий мэр города. Тесть Руслана, чёрт его подери!

В кабинете скрипнула дверь, но Руслан даже не обернулся, он узнал ее по терпкому запаху духов и шагам. Раздраженно повел плечом.

– Мило, – голос томный, низкий, – изволил и дома появиться.

Плеснул еще водки и снова залпом. Напиться не получалось вот уже несколько дней. Иногда стресс выбивает любое восприятие к алкоголю, и чем больше

хочется упиться в хлам, тем недостижимей эта идиотская, но такая необходимая цель.

– С утра пораньше Ван Гога стаканами.

– Предлагаешь кокса?

Усмехнулся, зная, что она сейчас зажала переносицу двумя пальцами и задумалась о том, видно ли по ее зрачкам, что уже с утра успела «заправиться топливом для богатых». А ему, Русу, и смотреть ей в глаза не нужно, чтобы почуять смрад разлагающейся сердцевины.

И дело не в наркоте, нет, Ларка умная сучка, она если и нюхает, то редко, бережет себя, любимую. Но такие всегда отдают мертвечиной, как в морге, а запах ее духов напоминал стойкий и едкий запах формалина.

– Я тебе уже давно ничего не предлагаю.

– А что ты можешь предложить интересного? – ухмыльнулся и посмотрел на нее через стекло: кутается в халат. Красивая, как картинка глянцевая, и такая же неживая. Таких «копипастов», словно на одной фабрике наштампованных, в богемной столице пачками.

– Можно подумать, тебя хоть что-то интересует, Бешеный.

– В тебе? Нет. Невкусно, пресно, серо.

– Я по делу.

– Естественно.

Усмехнулся и по-прежнему продолжал смотреть в окно на проезжающие автомобили и грязь, брызгающую из-под колес. Чем мощнее и шикарнее тачка, тем больший столп вязкой черной жижи разлетается от покрышек. На людей похоже. Чем выше забрались, тем больше вокруг них брызг показушного дерьма и сильнее резонанс от звона пустоты внутри. Ему самому казалось, что его заляпало дерьмом по уши.

– Слышала, твоя приехала.

– Правильно слышала, – постучал сигаретой по подоконнику и сунул в рот. Поднес зажигалку.

Лариса не торопилась уходить, а ему хотелось, чтоб свалила и дверь за собой прикрыла поплотнее.

– И что теперь?

– А что теперь?

Поморщился болезненно, скривился, как от зубной боли, сильно затянулся сигаретой, пуская дым на запотевшее стекло.

– Она все узнает, естественно, – сказала Лариса и приблизилась на пару шагов.

– Не узнает. Завтра домой поедет.

– Так и будет продолжаться? Ты туда жить свалишь снова, а сюда раз в три месяца приезжать?

Резко обернулся и наконец-то посмотрел на молодую женщину. Очень худая, с длинными белыми волосами, блестящими, как у куклы. Похожа на супермодель, страдающую латентной анорексией. Дань моде – тарахтеть костями и выглядеть как при последней стадии туберкулеза, но сиськи силиконовые, чтоб весили больше, чем она вся вместе взятая.

– Когда ты и твой папаша повесили на меня этот брак, вы прекрасно знали, что мне на хрен не нужны ни ты, ни эта долбаная игра, которую вы затеяли с твоим отцом.

– А секс со мной тоже мой отец тебе навязал?

Бешеный криво усмехнулся.

– С таким же успехом у тебя был секс со всеми, кто ошивался в радиусе пары метров, имел связи, бабки и перспективное будущее, пока не появился я – более перспективный для Лешего, чем все остальные кандидаты.

– Никого не было, кроме тебя.

Бешеный засмеялся. В лучших традициях классики жанра.

– Еще скажи, что целкой была и свою невинность мне подарила… Счастливая или несчастливая случайность, когда дочка Лешакова решила скрасить отравленное алкогольными парами одиночество Царева-младшего и забраться к нему в штаны как раз в тот момент, когда ее папе потребовалась поддержка в предвыборной кампании и огромный кредит за бугром.

Снова отвернулся. Санта-Барбара, бл***ь, в стиле мыльных опер.

– Когда отец прикрывал твой зад и вытаскивал тебя из дерьма, а ты отлеживался у нас дома, как на курорте, эта случайность показалась тебе счастливой, разве нет?

– Скорее удобной, Лариса. Для него и для тебя. Ты раздвигала ноги, отсасывала и давала мне во все отверстия вовсе не из великой любви ко мне, а с определенной целью, которую твой отец озвучил ровно после пары месяцев моего пребывания на его даче и в твоей постели.

– Что ты знаешь о любви? – вдруг взвизгнула она. – Ты приезжал раз в полгода, когда отсиживался после очередных тупых косяков, потрахивал меня периодически, а потом сваливал. Это тоже было удобно. Я, может, ждала тебя!

– Лариииисааа, я трахал тогда все, что шевелится, носит юбку и имеет дырку между ног, – сделал шаг к ней и схватил за худое плечо, – девочка, не парь мне мозги. Драли тебя все, кто хотел. А ты давала или из любви к искусству, или под парами своего сраного кокаина, потом решила завязывать со всем этим дерьмом, и на мне круг замкнулся…

– Скотина, – прошипела ему в лицо.

– Бл***ь, – спокойно парировал он.

– И тем не менее твоя жена, – прищурившись процедила Лара и повела плечом.

– Ненадолго.

– На столько, на сколько будет нужно мне.

– Точнее, на столько, на сколько это будет нужно мне, милая.

Она отвернулась и нахмурила тонкие брови. Холеная стерва, чистенькая, ухоженная и умная. Заработали шестеренки. Боится, что Бешеный не блефует. Правильно боится. Планы поменялись. Никакой продажи компании не будет. Ему, Русу, нужна крыша и поддержка, и скоро он ее получит.

– Задумалась?

– Да, задумалась, – повернулась и посмотрела на Руса своими светло-голубыми миндалевидными глазами, – а что скажет твоя Оксана, когда я ей отправлю наше свадебное фото? Что скажет твоя старая кляча, на которую ты молишься, как на святую? Думаешь, если мужу рога наставила, тебе не наставит? Не боишься возле нее держать молодых охранников, вдруг ей наскучит, и она переключится на кого-то помоложе?

Руслан вдруг сильно сжал тонкую шею женщины. Еще секунда, и он мог бы сломать ей шейные позвонки.

– Ты ничего ей не отправишь. Или это будет последнее, что ты сделаешь в своей жизни. И язык прикуси. Еще раз заговоришь о ней в таком тоне – вырву на хрен.

Лариса перехватила его руку за запястье.

– Кишка тонка, Бешеный. Никто ты, и звать тебя никак. Пыф! – Она сделала жест руками, напоминающий лопающиеся мыльные пузыри. – Пустое место, нолик без палочки. И без Царя ты вообще просто быдло.

Руслан сжал пальцы сильнее, с удовольствием наблюдая, как расширились ее глаза:

– Ты ведь не дура, Лара, не зли меня, а то руки марать об тебя раньше не хотелось, – Рус демонстративно вытер пальцы о ее тонкий халат. – Запомни, милая, говорю последний раз – мне срать на твоего папу, на тебя. Мне по хрен, какие дела имел мой отец с твоим. Лариса, – он приставил к ее лбу указательный палец, имитируя дуло пистолета, – будешь мне угрожать или мешать, я отстрелю тебе башку. Твои розовые гламурные мозги будут гармонично смотреться с итальянскими бордовыми обоями. Поняла меня? Я не Царь. Церемониться не умею и не стану.

Она кивнула и судорожно сглотнула, дыхание участилось. Боится. Бешеный перевел взгляд на ее тонкую шею и подумал о том, что напрасно не свернул её год назад, когда обнаружил эту сучку в своей постели, стоящую над ним, пьяным вдрызг, на коленях и усердно поднимающую его член силиконовыми губами.

– А теперь пошла отсюда. Твой папа приехал, видно, с быдлом договор заключать. Ты лучше съезди к маме, Лар, так нам с тобой спокойнее будет.

Она скрылась за дверью, а Рус стиснул кулаки и выматерился сквозь зубы. Тварь тупая. Дернуло его отыметь ее пару раз, пока отлеживался у Лешакова на даче, раны зализывал и обрастал новым мясом, пока Леший с Царем алиби ему состряпывали и откупы платили кому надо. Пока думал, что Оксана к мужу вернулась… Пока, бл***ь, не узнал о том, что Руся родилась. Только к тому времени Лариса уже окопалась в его постели.

Отец тогда сам приехал к Русу поговорить, сказал, что надо грешки прикрывать и знать, в кого членом тыкать. Трахать дочку народного депутата, а заодно и лучшего друга отца, безнаказанно не получится. Кроме того, им очень выгодно дружить с Лешаковым. Тридцать процентов акций у Лешего, и связи в верхушке ментовской. Руса и отмажет, и прикроет, и кого надо там прикормит, чтоб про Азиата да составы с цистернами забыли. Списали на террористический акт, повесили на «Аль-Каиду», и дело с концами. Рус должен думать не только тем, что болтается между ног, но и мозгами.

Какими, на хрен, мозгами, если у него крышу снесло от боли и от алкоголя? Он вообще амебой был пару месяцев, потом ползал, согнувшись, по даче в поисках пойла, когда с утра выворачивало, корежило от ломки, и не от водки, а от тоски по Оксане. Отец нарочно ничего о ней не говорил, а Рус уже видел перед глазами картинки, в которых Оксана вернулась домой и забыла о нем, как о страшном сне.

Разве нужен ей такой, как Руслан? И тут Ларка, сучка, смотрит как на бога, чуть что, на острые коленки падает и за ширинку тянет, на все готовая подстилка с точеным телом. Ну вставил ей пару раз, чтоб забыться, и то Оксаной каждый раз называл, а та бесилась, но терпела.

Потом Серый сказал, что Ксюха никуда не вернулась, а у матери с Ваней живет. Только пасут ее узкоглазые постоянно, ведут плотным хвостом, видать, Бешеного отследить хотят, а не отследят, могут и Оксану прихватить снова, чтоб Рус из подполья вылез. Страшно стало, позвал отца и поставил условие – Оксану в безопасное место, а он, так и быть, женится на Лариске.

Тогда казалось, что это верный выход из положения. Лешаков не только отмазал Руса, но и полностью прикрыл дело. После выборов об инциденте было забыто, потом разборки между братками, и невзначай с десяток узкоглазых на встречу с Аллахом отправили. Про Азиата и цистерны больше никто не вспоминал.

– Руслан.

Бешеный обернулся – тесть с улыбочкой Чеширского Кота вошел в кабинет и прикрыл дверь. Одет с иголочки, в элегантном костюме, с папочкой под мышкой.

– Ну как? Все дела порешал, сынок?

От его «сынок» передернуло и захотелось всадить Лешакову всю обойму «Макарова», лежащего в верхнем ящике отцовского стола, промеж глаз.

– Порешал.

– Все, кроме нашего и самого важного, – сказал Олегович и уселся за стол, надел очки и открыл одну из папок. – Я документы на подпись принес. Подпишешь в

двух местах, и компания будет продана. Больше никакого головняка. Ее правильные люди выкупят и на ноги поставят.

– А что, сейчас компания не на ногах? – спросил Рус, внимательно наблюдая за Лешаковым, который что-то усердно перечитывал в папке.

– Мы с твоим отцом обсуждали это дело. Он хотел избавиться от компании. Зачем ему проблемы, если доходы приносит и игорный бизнес, и горючее? Кроме того, отец твой отказывал важным людям в перевозках, а теперь никакой ответственности – продадим и пусть возят, что хотят. Одними врагами меньше.

– Про продажу компании отец мне ничего не говорил.

– Конечно, не говорил, мы не так давно пришли к такому решению. Компания не приносит прибыль, стоит на месте. Конкуренция бешеная. Не нужна она нам, сынок, а сейчас так тем более, когда управлять некому. Ты своим бизнесом занят в Испании по европейским линиям, а восточные все равно простаивать будут.

Руслан медленно сел в кресло и придвинул к себе бумаги. Вертел шариковую ручку и поглядывал на Лешего – нервничает. Правильно нервничаешь, мудак, видать бабла тебе за эти подписи пообещали немерено. Только прокололся ты, Леший, ох, как прокололся. Отец-то весь контрольный пакет акций мне отдал и бизнес мне завещал. А вот ты об этом точно не знаешь. Потому что не хотел отец, чтоб ты его бизнес просрал.

Руслан перевел взгляд на тестя, положил ручку на стол, и та медленно покатилась в сторону Лешакова. Олегович поднял голову и поймал ручку у самого края.

– Я не буду ничего подписывать – компания не продается. Она теперь принадлежит мне, и я ее возглавлю.

5 глава

– Даже так? Я не ослышался?

Дмитрий Олегович поджал губы и прищурился. Руслан откинулся на спинку стула, наслаждаясь этим явным недоумением. Давно он хотел увидеть именно такое выражение, как после удара под дых. Есть люди, которые внушают неприязнь. Лешаков не нравился Руслану всегда. Вот с первого взгляда. Казался ему кем-то вроде шакала-лизоблюда, который знал – чьи задницы надо лизать, как лизать, и только за счет этого умения поднялся столь высоко. Очень захотелось окунуть его мордой в дерьмо или в грязь и смотреть, как по очкам стекает жижа. Как он брезгливо морщится. Лешаков был похож на жирного паука, который плетет свою паутину везде, куда дотягиваются его непропорционально длинные по сравнению с туловищем ручонки. Лешаков имел привычку перебирать пальцами, пока говорил с собеседником, чем усиливал это мерзкое сходство. У Бешеного всегда возникало желание перебить эти пальцы.

– Не ослышались. Я передумал продавать компанию.

Скривился? Не вкусно, кисло, совсем не те сливки, которые ты ожидал получить, верно?

– И можно узнать – почему вдруг? – занервничал – быстрее перебирает пальцами.

– Потому что я хочу продолжить дело отца, и после его смерти мне это кажется более чем логичным.

– То есть ты прекрасно понимаешь, что бизнес убыточен, но хочешь все равно этим заниматься?

– Бизнес не убыточен, и мы с вами это прекрасно знаем, Дмитрий Олегович. Бизнес настолько не убыточен, что его готовы выдрать с мясом, – Руслан подался вперед, – более того, именно поэтому вы его и продаете за баснословную цену, из которой озвучиваете мне лишь четверть стоимости, верно?

– Я имею полное право, твой отец…

– Переписал весь бизнес на меня, и вам сей факт хорошо известен, но это не должно было быть известно мне, верно?

Лешаков дернул узел галстука. «А вот теперь уже не кисло, а душно. Окошко открыть?»

– Ты к чему клонишь, Руслан?

– К тому, что компания принадлежит мне, и я ничего не подпишу. Так и передайте вашим друзьям, которым срочно понадобился мой бизнес.

Лешаков со всей силы ударил кулаком по столу, а Руслан даже не вздрогнул, лишь закинул ногу на ногу и покрутился в кресле.

– Щенок. Я хотел говорить по-хорошему. Я надеялся, что ты поумнел за это время. Но не-ет. Как был глупым и самоуверенным сопляком, так и остался. На хрена тебе компания? Есть люди, которым она нужнее, и они готовы заплатить.

Руслан ухмыльнулся, достал сигарету, закурил, подвинул к себе пепельницу, глядя на покрасневшее лицо тестя.

– Возить дурь? Как же! Я хорошо помню. Но ни один пакетик герыча не въедет на территорию этой страны в моих контейнерах. Я не играю в эти игры, как и мой отец.

Лешаков резко наклонился к Руслану.

– Ты понимаешь, что это война, Руслан? Им нужны эти гребаные цистерны, вагоны, и они их получат, но не мирно, а иными путями. Я пытаюсь разрулить эту ситуацию с наибольшей выгодой. Ты мой зять и…

Руслан резко отодвинул пепельницу, и та издала скрипящий звук, скользя по столешнице. Лешаков осекся.

– Ненадолго. Я разведусь с вашей дочерью в ближайшее время и компанию не продам. Я даже решил расширить сферу деятельности.

Лешаков демонстративно расхохотался. Нервно и злобно, фальшиво.

– А кто твои долги погасит, а, сынок? Кто все то дерьмо, что навертел твой отец, расхлёбывать будет? Тебя кредиторы на счетчик поставят. По миру пустят. Давай, Руслан, начистоту? Что за принципы? Какая, на хрен, разница кто? Не мы, так другие. Наркота сюда рекой льется. Ты ничего не изменишь своим отказом. Если бы ты согласился, то и продавать ничего не надо. Нужные люди долги ваши закроют, и все в шоколаде, Руслан. Подумай сам, какими деньгами можно вертеть с твоими цистернами, вагонами, фурами? У меня менты и пограничники прикормлены с ручки.

– Я. Не. Продам. Компанию.

Встал из-за стола и задвинул стул. Его начинал раздражать этот разговор.

– Документы о разводе получите в ближайшее время, Дмитрий Олегович. Мне больше не интересно ни наше сотрудничество, ни этот идиотский брак.

– Значит так, Руслан. Ты не горячись, а мозги включи.

Бешеный обернулся к Лешакову.

– Включил. Дальше что? Не будет сделки.

Лешаков начинал терять терпение, поправил очки, придавив к переносице.

– Я ведь попросил по-хорошему, могу и по-плохому.

Руслан резко обернулся и усмехнулся. Его явно забавляла эта ситуация.

– О, даже угрозы? И чем вы хотите меня напугать? Долгами?

– Я по миру тебя пущу, оберу до нитки, и мне в этом помогут.

– Не сомневаюсь, что у вас много помощников. Рискните.

– Борзый ты, Бешеный, но запомни хорошо – ты представляешь для меня интерес по двум причинам: моя дочь тебя любит, и мне нужна компания. Если двух этих

факторов не станет, ты перестанешь представлять собой ценность, и я избавлюсь от тебя. Бабу твою навестят… тогда ты иначе заговоришь! Вот так.

Лешаков щелкнул пальцами, и в этот же момент Руслан схватил его за шиворот и впечатал в стену.

– А теперь ты слушай меня внимательно, Леший. Забудь все свои правила игры – я играю без правил. Без снайперов, кредиторов и политики. Приблизишься к Оксане – я просто растворю тебя в серной кислоте. Живьем. Однажды ночью ты проснешься в вонючем подвале, привязанным к экскаватору, который аккуратно опустит тебя в чан. Ты будешь подыхать очень медленно. Поэтому молись, чтоб с сегодняшнего дня она не упала, не подвернула ногу и даже не заболела гриппом. Потому что все, что с ней произойдет, я буду считать твоей провокацией.

Лешаков побледнел до синевы, над верхней губой выступили капли пота.

– Руки убери, сопляк. Совсем охренел!

Руслан медленно разжал пальцы.

– Пошел вон из моего дома и дочь свою шлюху-наркоманку прихвати.

– Ты очень сильно об этом пожалеешь, Бешеный, – сказал Леший и поправил пиджак, подхватил со стола папку. – Очень сильно.

Когда он вышел, зазвонил сотовый, и Руслан, схватив аппарат, рявкнул:

– Да!

– У нас неприятности!

– Неужели? Что еще, на хрен, случилось?

– Оксана твоя съехала с квартиры час назад.

Твою ж мать! Руслан грязно выругался.

– Куда?

– Ищем. Она выкинула телефон, и мы теперь не можем отследить. Думаю, она уже знает о том, что ты немного женат. Вчера несколько коммерческих каналов транслировали похороны Царева, и тебя с Ларисой там показали несколько раз.

– Бл***ь! Только этого мне сейчас… Чтоб через полчаса сказал мне, где она. Обзвони гостиницы. Она въехала под своими именем и фамилией.

– И еще. Сараевских положили. Всех.

– Кто?

– Вороны. Метку кинули, как они это любят.

– Ясно. Пухом земля Сараевским. Довыеживались.

– Говорят, отец твой дружен был с Вороном.

– Говорят. Ты Оксану найди, Серый. Насчет Ворона потом поговорим.

Руслан накинул куртку, хлебнул еще виски и закурил на ходу, спускаясь в машину.

Проклятье, как же некстати сейчас все это. Черт, он должен был отправить Оксану раньше. Не давать ни одного дня, не рисковать. Представил себе, как она сейчас, наверное, с ума сходит, и сжал челюсти до скрежета. Надо было ей раньше сказать. Самому. А он трусил. Просто элементарно трусил. Думал, что вот еще немного, еще чуть-чуть, и все решится. Насчет долгов Леший загнул, конечно, либо не знал обо всех счетах Царя. Нужно перевести деньги и покрыть кредиты хоть частично. Провернуть несколько операций по перевозкам. Снова зазвонил сотовый.

– Да! Ну, что там?

– Есть, Бешеный. Пиши адрес.

– Купи билеты, Серый. Я сейчас не могу. Первый же рейс на Валенсию.

* * *

Я пребывала в странном состоянии. Я не плакала, не била посуду. Я просто медленно встала с пола и на автомате собрала пульт от телевизора. Вставила батарейки, закрыла крышку, положила его на стол. Прошлась по гостиной. Ни одной мысли в голове, только картинка на паузе – Руслан и эта девочка. Именно девочка по сравнению со мной. Я одевалась и думала о том, что внутри какая-то дикая тишина. Ни крика, ни рыдания. Ничего. Какое-то глухое злорадство и ненависть. К себе. Жалкая идиотка, а ведь мне удалось убедить себя, что все будет не так, как у других. Не так, как в тех статьях о неравных отношениях, где мужчина всенепременно находил себе другую женщину помладше. Но ведь всегда есть неискоренимое «со мной этого не произойдет. Он меня любит. Он не такой, как все». Какая глупость. Наивная и жалкая глупость, опускающая меня на уровень безмозглой курицы, которая слишком самоуверенна и не видит дальше своего клюва. Ведь всё говорило об этом. Кричало. Взрывалось. А я не видела в упор. Отъезды, звонки за закрытой дверью, код на смартфоне, стертые эсэмэски, исчезновения.

Остановилась посреди комнаты, застегивая пуговицы на кофточке, и расхохоталась. Все это время у Руслана была жена. Не девка, не любовница, а законная жена. С которой он просыпался в постели, как и со мной, говорил по утрам за чашкой кофе, звонил ей. Я не чувствовала боли. Нет. Ни грамма боли. Я погрузилась в болото злорадной ненависти к себе. Презрения на грани.

Подошла к ноутбуку, нашла номер телефона гостиницы, заказала себе номер. Для начала съехать и побыть наедине с собой. Мне нужно время пережить этот удар. Я не могу такая вернуться к детям. Мне нужны дни и ночи в полной тишине для принятия решения. Я знала, что взрыв будет, и меня еще разорвет от боли. На ошметки. Пока что я в каком-то трезвом шоке, который вынуждает лихорадочно собирать вещи, вызвать такси, отключить телефон.

Я вышла из квартиры и швырнула ключи от нее так далеко, как только видела сама. Подумала несколько секунд, достав сотовый из кармана, а потом зашвырнула его туда же. Села в такси, не обращая внимание на вытянувшееся

лицо таксиста. Назвала адрес и, откинувшись на спинку сиденья, закрыла глаза. Такие, как Руслан, не меняются. Бабники не становятся святыми, как бы мы в это ни хотели верить. И это не просто измена. Нет. Это высший уровень лжи, высший пилотаж, виртуозный обман. Самое ужасное, что я его не осуждала. Я понимала, что это верный поступок. Он должен думать о себе прежде всего, а не обо мне. О женщине, с которой лет через десять будет стыдно выйти на улицу.

Я настолько погрузилась в свои мысли, что даже не увидела, что за мной следят. Это потом я пойму, что слишком наивно было предположить, что все, что меня связывает с Русланом, – это сим-карточка в новом телефоне. Такие, как он, контролируют намного больше, чем кажется на первый взгляд.

Я поднялась в номер, сбросив пальто, села на пол у стены, не раздеваясь. Где-то глубоко в душе я понимала, что ожидала этого. Чего-нибудь – подвоха, обмана. Я так и не поверила в это счастье до конца. Потому что какая-то часть меня шептала внутри: «А ведь ты знала, что так может быть. Ты знала, на что он способен, знала, что сказок не бывает, и повелась. Как дура. Как идиотка. Ну, как тебе сейчас? Ты живая? Сдохнуть не хочешь?»

Нет, сдохнуть не хочу. У меня есть дети. Я просто права не имею сдыхать. Я даже не имею права приехать к ним в том состоянии, в котором нахожусь сейчас. А потом? Что я скажу им потом? А маме?

Я должна буду вернуться и, забрав детей, уйти от Руслана. Возможно, даже приехать сюда. У мамы осталась квартира, жить есть где, да и у меня кое-какие сбережения.

В такой момент вся жизнь вдруг кажется бесполезной. Словно обманула сама себя, и все, что сделала, вдруг обнулилось. Развод, нервотрепки, эмиграция, отправка Вани к Сереже раз в месяц. Все эти фитнес-клубы, маски для лица, визажисты. Стремление выглядеть моложе. Смешно до истерики.

Говорят, в каждых отношениях кто-то из двоих любит больше. Это закон жизни. Какой бы ни была безумной любовь, всегда есть тот, кто после неё соберется, будет жить дальше, а есть тот, от кого останется только пепел. Или тот, кто через время начнет остывать, а другой все еще полыхает, как факел, и холодность второго – как ожоги азотом. Или тот, кому станет скучно, и он захочет новых свершений, горизонтов, сексуального разнообразия, а другой

рефлексирует на месте. Зациклен на своей любви и не замечает, что чувств-то, по сути, уже и не осталось. Все двигается по инерции и скоро встанет, как часы, в которых села батарейка.

Я не изменилась, я уже в том возрасте, когда не меняются внутренне, только внешне. Я останусь сама собой. А он меняется. И этого следовало ожидать от разницы в десять лет.

Отставила тарелку в сторону, потянулась за сигаретами дрожащими пальцами.

Одного только не понимаю – зачем мы нужны ему? Жил бы себе с женой. Зачем было играть эти ненужные роли? Так отвратительно лгать.

В дверь номера постучали, я поднялась с пола и пошла к двери, открыла и, тяжело вздохнув, посмотрела на Руслана. Этого следовало ожидать. Пропустила его в номер и закрыла дверь. Сегодня или через неделю. Нам бы пришлось поговорить. Пусть будет сегодня. Так даже лучше… А вот смотреть на него больно. Смотреть и думать о том, как давно прикасался к ней. Что говорил? Когда ушел от неё и пришел ко мне? Именно поэтому не остался со мной вчера на ночь?

Руслан осмотрел номер, потом поднял с пола мое пальто и протянул мне.

– Почему не заказала номер покруче этого гадючника? Кредитку потеряла? Одевайся – мы уходим. Я уже за все заплатил.

Я усмехнулась, не обращая внимания на его протянутую ко мне руку.

– Уходим? Неужели?

Отошла к столу, откупорила бутылку с вином, налила себе в бокал, но Руслан отобрал и выпил сам залпом, глядя мне в глаза. Иногда за какие-то часы человек вдруг становится совсем не близким. Вот так по щелчку пальцев внутри что-то перегорает. Между нами выстроились слои отчуждения, как стены. Вот еще вчера я могла протянуть руку и погладить его по щеке, а уже сегодня я не могу даже прикоснуться к нему. Разочарование. Даже хуже, чем ревность и боль. Разочарование не в нем, а в себе. В том, что ошиблась.

– Мне все равно, что ты сейчас думаешь, Оксана. Для тебя же лучше поехать со мной. Завтра ты улетаешь в Валенсию.

Я расхохоталась ему в лицо. Какая самоуверенность.

– Конечно, тебе все равно. Я в этом даже не сомневалась. Ты ведь ТАК решил. Только я не твоя девочка-жена, которая заглядывает тебе в рот. Понятно? Дальше сидеть одной задницей на двух стульях не выйдет.

– Значит, сделала свои выводы?

– Никаких выводов, любимый. Зачем? Все и так понятно. Удивляюсь только твоей виртуозности. А она про нас знает?

Руслан смотрел мне в глаза долго, молча, и я чувствовала, что рванет очень скоро. Внутри уже нарастает шквальный ветер.

– Знает с самого начала.

– Как удобно, не правда ли? Есть такие женщины, которые ради тебя готовы мириться с другой. Только почему ты решил, что и я такая же? Давай, скажи мне: «Она ничего для меня не значит, это чисто бизнес, она хуже, чем ты». Давай.

Схватил меня под локоть и дернул к себе.

– Именно так, Оксана. Ничего не значит. Вообще ничего. Именно бизнес. Не хуже, а вообще никак. Не женился бы – не приехал бы к тебе, а отматывал десяточку в «строгаче».

– И я должна это проглотить?

– Не должна, но проглотишь, потому что тебе нельзя здесь оставаться. Ты обязана уехать!

– Аааа, – протянула я и выдернула руку, захотелось вцепиться ему в лицо. Захотелось что-то разбить, ударить. Причинить боль, – конечно, нельзя. Я мешаю

тебе, да? Твоя жена нервничает, Руслан? Или все же она не знает обо мне? Не переживай – не узнает. Я не пойду к ней. Это слишком унизительно.

– Не усложняй сейчас. Все и так хреново, Оксана. Просто поверь, и все. Это не лучшее время, и тебе надо уехать отсюда.

– А когда будет лучшее? Руслан? Когда ты приедешь к нам – через пару месяцев? Когда порешаешь тут дела и натрахаешься со своей женой? Тогда будет лучшее время?

Я вцепилась в воротник его куртки и сильно тряхнула:

– Не переживай, я уеду. Только прилетать к нам не надо и выяснять ничего не надо. Все и так ясно! Настолько ясно, что ослепнуть можно. Это конец, Руслан. Без всяких выяснений. Конец! Я ясно выражаюсь?

Отпустила и подошла к столу, демонстративно взяла бутылку с вином и отпила из горла. Руслан выхватил ее и швырнул о стену, красные потеки растеклись по кремовым обоям, и осколки засверкали на полу.

– Какой, на хрен, конец? Это ты так сейчас решила? Сегодня?

Его глаза загорелись безумным блеском, но я была сейчас не в том состоянии, чтобы бояться.

Я пожала плечами и отошла к окну, доставая еще одну сигарету.

– Ничего пока не решила, кроме того, что никуда с тобой не поеду. А в Валенсию я сама вылечу, но лишь за тем, чтобы забрать детей.

– Забрать у кого, Оксана? У меня? То есть вот так все просто? Узнала, решила, забрала, ушла?

Я резко повернулась к нему:

– Не просто, Руслан! Это у тебя все просто: жена, любовница, две семьи, бизнес. А у меня все сложно! У меня двое детей и полная неизвестность завтра. Но

лучше неизвестность без тебя, чем быть для тебя запасным аэродромом.

– Как легко у тебя получается уходить от мужиков. Во второй раз легче, да?

Я сама не поняла, как замахнулась, но он перехватил мою руку за запястье.

– Я никогда не думала, что пожалею о первом разе.

Стало больно. Обоим. Я даже увидела, как он поморщился и стиснул челюсти.

– Жалеешь, да? О чем ты еще жалеешь, а? О том, что живешь в Валенсии, а не где-то в зачуханной хрущевке? Или что ни в чем себе не отказываешь? О чем еще ты жалеешь? Соскучилась по нему? Нашла повод?

Руслан вдруг сгреб меня за шиворот и рванул к себе, сильно сжимая за плечи.

– Не от всех можно уйти, Оксана. Жаль, ты этого не поняла раньше, да? Так вот – сейчас ты поедешь вместе со мной, и мне насрать, хочешь ты этого или нет. Ты вылетишь в Валенсию завтра утром и никого и никуда не заберёшь. Ты будешь сидеть дома! Да! – процедил сквозь зубы. – В НАШЕМ доме, Оксана! И ждать, черт тебя раздери, пока я решу все проблемы и приеду к вам. И мы поговорим. Обо всем поговорим. Я расскажу тебе всё, но не здесь и не сейчас!

– Ты меня не удержишь насильно, – вцепилась в его руки, чувствуя, как внутри нарастает рев безумной ярости и слезы вот-вот хлынут из глаз, от его пальцев наверняка останутся синяки, – я не боюсь тебя и никогда не боялась.

Руслан наклонился к моему лицу и прорычал:

– И слава Богу, Оксана. Слава Богу, что не боялась. Не заставляй меня сделать так, чтобы ты испугалась.

6 глава

Лешакову всегда нравилось контролировать каждую секунду своей жизни. Он любил расписывать наперед все свои планы, просчитывать шаги и точно знать, на какую почву ступает. Его пугала неизвестность. Он должен быть уверен в завтрашнем дне. Проклятый бешеный ублюдок спутал ему все карты. Не так должен был реагировать, по его мнению, Руслан. Леший недаром учился на психиатра в свое время, чтобы так ошибиться. Но разве не отошел он от дел, разве не завис со своей сучкой в Валенсии? Царь убеждал Лешакова в том, что Руслан больше не вмешивается в дела компании, даже жаловался, что, по сути, и оставить-то империю некому. Царев потерял хватку после перестрелки на вокзале, когда испугался за сына и понял, что ввязался в войну с кланом Нармузиновых. Ахмед и Камран очень опасные противники с иным менталитетом и моральными ценностями, понять логику их действий довольно проблематично. Лешаков решил эту проблему иначе, он работал на два фронта – и вашим, и нашим. Быть хорошим для всех – это всегда выгодно. При заварушке он якобы не при делах, но всегда прикроет любую из сторон, собирая вокруг себя своеобразных должников. Люди любят, когда кто-то живо принимает участие в их проблемах. Запутываются в благодарности, как в паутине, а Лешаков любил эту паутину вить. Как удобно было потом наказывать того, кто не оправдал ожидания Димы, не оценил его таланты, не отблагодарил должным образом, и наказывать руками более благодарного. Всего лишь жалобно поныть начальнику популярной газеты, дочь которого недавно отмазал от скандала с продажей наркотиков: «Вы знаете, я столько сделал для господина N, а он не оценил, я так уважал его, со всей душой, вот, как к вам, а он… тварь неблагодарная, меня так, и сяк, и пересяк… Да, очень опасный человек, очень. От него можно ожидать чего угодно. Надо наказать зазвездившегося. У нас свобода слова». И вот уже местные СМИ вовсю льют грязь на обидчика, а Лешаков с попкорном на диванчике наблюдает сам спектакль. Вроде и не при делах, и дерьма ушат вылил. А еще высший пилотаж – это обос***ому господину N позвонить и искренне посочувствовать. Правда, есть риск, что господин N вернет с три короба. Когда-то такое тоже было – отдача отшвырнула Димочку на обочину жизни, поперли его как-то с госслужбы, да еще и с позором, еле оклемался и сопли подтер, правда, быстро устроился в другое место, не менее тепленькое, а потом и свое дело открыл, а связи везде остались.

Правда, здесь все совсем иначе, и азиаты были ему нужны самому позарез. Выход на рынок, который он обеспечивал им и получал сам, не шел ни в какое сравнение с доходами от компании Царева, где тот отдавал партнеру всего лишь тридцать процентов прибыли. А ведь не честно так – вдвоем бизнес поднимали. Не додал Царь Лешакову по заслугам, зазнался и взлетел слишком высоко, не оценил всего, что Леший сделал для бизнеса и для семьи Царева.

Бескорыстно, так сказать, от всей души. Правда, Олегович не брал в расчет, что бескорыстие не ждет отдачи. Всё, что требует возврата, уже коммерция в чистом виде. Ты мне – я тебе, и если ты мне – мало, по моим понятиям и ожиданиям, то я тебе – пулю между глаз или нож в спину. Вот и все бескорыстие. Лешаков ведь не последний человек, чтобы ему куски с барского стола подкидывать. Разве он не старался помочь другу в течение всех этих лет? И ожидал, что будет сидеть за барским столом рядом, а не бегать в шестерках. Задницу Царю лизал и подставлялся. Прикрывал, если надо. Недаром должность такая – с ментурой связан. Крыша, взятки, откупы. Зато с Вороном Царь – как с братом родным. Какого хера, непонятно. Подфартило Лешакову не сразу, но все же подфартило. Сынка Царева отмазал, на дочке потом женил. Царев в благодарность доверенность написал генеральную. Вроде все на мази, вот он – барский стол, накрыт скатертью-самобранкой, и Леший уже приготовился сливки собирать. В этот момент Ахмед и надавил с перевозками. Еще один друг, мать его… Но пообещал такие бабки, которые Лешакову и не снились в ближайшее время даже от Царева. Лариска и Эдик, сученыши, все поспускали, долги со всех сторон. Не отвертеться, не спрятаться. Машину кредиторы недавно спалили, Ларка, зараза, с наркоты никак не слезет, а Эдик только и тянет бабло на телок да на казино.

Лешаков по-хорошему хотел, думал, Царев согласится компанию продать, но тот заартачился, и они повздорили. Сильно. Царев вышвырнул Лешего с дачи и сказал, чтоб ноги его ни здесь, ни в компании не было. Пронюхал про дела с Ахмедом и психанул. Олегович почуял, что Царев может доверенность переделать, и тогда сделка с Нармузиновым лопнет как мыльный пузырь, а Лешаков уже аванс взял, дыры свои позакрывал, сынку круглую сумму перечислил, жене новую тачку купил, а любовнице квартирку подарил. Ахмед пострашнее Царева будет, не простит кидалова. У Лешакова вскипели мозги. Цифры там, в голове, одна за одну цеплялись и выстраивались в какой-то забор с колючкой, в тюрьму и вышки с автоматчиками, и у каждого – рожа Нармузинова. Оставался только один выход, и он им воспользовался. Думал, что потом Руса легко уломает. Так нет, и этот уперся, словно чует, сученок проклятый, как это важно Лешему, и назло делает. Если б не Ларка, давно б замочил, но эта дура сказала, руки на себя наложит, если отец Руслана тронет. Все ему прощает, идиотка бесхребетная, на коленях ползает, а тот ноги об нее вытрет и к своей в Валенсию скачет. Недавно Ларку еле после передоза откачали после того, как этот ублюдок сказал ей о разводе и из дома выгнал.

Зазвонил сотовый, и Лешаков схватил аппарат, глянул на дисплей и слегка побледнел.

– Да, Ахмед, дорогой.

– Это ты становишься очень дорогим, Леший. Настолько дорогим, что скоро я тебя в золото закатаю и как статую у себя во дворе поставлю. Что с перевозкой? У меня горит! Мне вчера еще надо было, а ты канитель тянешь, Леший. Что там у тебя не срастается, мать твою? И не заливай мне, что справляешься.

– Бешеный, сука, заартачился. Не хочет компанию продавать. В последний момент отказался.

Лешаков дернул воротник рубашки и распахнул настежь окно.

– Так надави, Леший. За яйца прижми. Мозгами думай, а не задницей. Или я твоей заднице сделаю очень-очень больно, и мозги тут же заработают. У каждого есть болевые точки, Леший! У твоего зятя они тоже имеются. И одна из этих точек сейчас здесь, остальные две в Валенсии. Начинай шевелиться. Ручки марать придётся снова, Дима. Поздно задний ход давать. Ты уже в деле. Если помощь с болевыми точками Царева-младшего нужна – говори. Я их быстро превращу в пробелы.

Ахмед отключился, а Лешаков швырнул сотовый на стол и несколько секунд смотрел в никуда. Не любил он такие методы, до сих пор трясло после того, как Царя слил. Боялся, Руслан узнает и на ленточки живьем порежет. Но Ахмед прав, отступать некуда, надо что-то менять, иначе он так и будет не у дел. Схватил сотовый и набрал чей-то номер.

– Новикову скажи, пусть ко мне заедет. Немедленно. Разговор есть. Лично привези. Дело его ко мне перешли и подумай, как поощрить и поднять можем. Давай, да побыстрее. Не тяни. Чтоб через полчаса у меня были.

Отключился и сел в кресло, хлебнул холодный кофе.

«Трусливый ты, Леший, и яйца у тебя голубиные, все боишься, что прищемят их. Не лезь туда, где звери за кусок дерутся, там чуют слабаков и башку тебе отгрызут в два счета. Довольствуйся тем, что имеешь. А я твой зад трусливый прикрою, если надо».

Ворон – смертельно опасная тварь, никогда его близко не подпускал к серьезным делам. Не доверял, сволочь, до конца, как, впрочем, и Царев. Трусливый, говорите? Он вам устроит трусливого. Надо будет, и Ворона сольет с сынком его. Уверенности добавляла сомнительная дружба с Ахмедом. Нет, Лешаков не был идиотом и понимал, насколько опасен Нармузинов, но если правильно себя вести с Шерханом, то Табаки останется и сыт, и жив, не так ли? Олеговичу это по жизни всегда помогало. Он не гнушался грязных делишек и подлостей. Зачем марать руки самому, если можно сделать так, что враги сами друг друга поубивают?

Итак, что он имеет – Новиков Сергей Васильевич. Разработчик проектов зданий. Под началом Кускова. Взял его на работу год назад. Тогда еще искал ниточки, за которые можно будет Царева-младшего подергать, и об Оксане справки наводил, когда тот в Валенсию укатил, а Ларка от депрессии загибалась.

Новикова нашел сам, пригласил на встречу и, как только увидел, сразу понял – такого на крючок посадить легче легко. Длительный запой, алкогольная ломка, работу потерял. Квартиру вот-вот пропьет, а бывшей жене алименты все равно платит, чтоб не думала, что так скатился, и концы с сыном не обрезала. Лешаков вывел Новикова из запоя, причесал, прилизал и к себе на работу взял. С условием: будет бухать – вылетит ко всем чертям, а так – перспективы. Глядишь, Бешеному Оксана надоест, и будет ей куда вернуться. В общем, прикормил мужа бывшего. Авось понадобится. И правильно сделал – вот и настал момент, когда пригодился.

Лешаков открыл дело Новикова на ноутбуке и просмотрел все фотографии, биографию. Счастливая семья была у этого Новикова, и как он так жену профукал, непонятно. Вообще точку пересечения Оксаны и Бешеного даже сам Лешаков не прослеживал, но жизнь та еще сука. Нагадит в самое неподходящее время в самом неподходящем месте. Новикову просто не повезло, а баба его – шлюха. Мишуру деньжат увидела и ноги раздвинула перед козлом молодым. Променяла хрен на хрен. Сергей лохом оказался, отпустил её и сына отдал. Хотя… сам Лешаков тоже пинка б под зад отвесил, если б Светка его с кем-то шашни закрутила. Но Светик не такая, хоть и потрахивает он молоденьких любовниц, но Светка – это Светка. Она – жена. Этим все сказано. Светке дорогие шмотки, заграничные поездки, тачки и все самое лучшее. Светку Леший любит. Годами обхаживал, пока заполучить удалось и жениться. До сих пор смотрит на нее, и сердце колотится от радости, что она его.

Новиков вошел в кабинет и прикрыл за собой дверь. Дмитрий Олегович пристально на него посмотрел, оценивая шансы. Несомненно, от того полубомжа-забулдыги, которого взял на работу год назад, Новиков отличался, и очень сильно, но нет в нем какого-то лоска, шарма, на который бабы западают. Скучный этот Новиков, на корпоративы не ходит, с девками из отдела шашни не крутит, правильный какой-то, спокойный. Явно проигрывает Бешеному по всем параметрам. Но работник более чем толковый. Все проекты шикарные, занимают первые места среди строительных компаний вот уже третий квартал благодаря Новикову.

– Дмитрий Олегович, вызывали? – Поправил пиджак, замялся на пороге.

– Вызывал. Садись, Новиков. Кофе будешь?

– Нет, спасибо…

– Новиков, когда тебе что-то предлагают – бери. Второй раз вряд ли предложат. Так и в жизни – не отказывайся от подарков. Неудобно спать на потолке, Новиков. Остальное удобно, если тебе это нравится и приносит удовольствие. Так что – кофе будешь?

Сергей снова поправил ворот пиджака и кивнул:

– Да, черный. Две ложки кофе и одну сахара.

Лешаков нажал кнопку селектора:

– Аллочка, два кофе – мне как обычно, а Сергею Васильевичу две ложки кофе и одну сахара.

Поднял голову и посмотрел на Новикова снова – костюм дешевый, несмотря на хорошую зарплату, и какой-то безвкусный. Надо ему любовницу оформить, чтоб взбодрила и уверенности в себе придала. Пусть потрахается от души и воспрянет наконец-то. А потом можно и в дело вводить. Пусть бывшей своей займется. Если хочет, конечно… это надо прощупать. Но Лешаков редко в людях ошибался – Сергей хочет свою бывшую до нервного тика, бухает до сих пор именно из-за нее и мастурбирует в ванной на ее фотки каждый вечер,

оплакивая, как мог бы трахать, но смелости не хватило, а у выродка Бешеного получилось. Ненавидит Руса, только сделать ничего не может и не умеет. Вот Леший и научит.

– Сергей Васильевич, я слышал, что все три ваших проекта заняли первое место. Вы знаете, я тут подумал и решил, что вас нужно повысить в должности. Собираюсь отдать в ваше распоряжение весь отдел. Назначить вас директором. Кусков на пенсию выходит с завтрашнего дня. Будете отвечать за все проекты корпорации, набирать штат дизайнеров, которые будут эти проекты осуществлять.

Новиков выпрямился на стуле, явно пребывая в состоянии шока. Зашла Алла с подносом, поставила чашки на стол, улыбнулась Лешакову, и тот подумал, что после рабочего дня поставит ее на колени и, пока та будет работать ртом, даст ей задание соблазнить Новикова. Расслабить парня.

– Вы не рады?

– Рад, конечно… но это такая ответственность.

Лешаков усмехнулся:

– Опять отказываетесь от шансов, Новиков? Скажите, я слышал, вы женаты и у вас маленький сын?

Сергей резко отпил горячий кофе с маленькой чашечки и поморщился.

– Нет. Мы в разводе. Сын с бывшей женой и её новым мужем в Валенсии живут.

– Ясно.

Лешаков прикидывал, как преподнести этому неудачнику новость о том, что Руслан женат на дочери Лешакова, а не на Оксане Новиковой.

– Значит, вы думаете, что бывшая жена снова вышла замуж. А с сыном вы видитесь?

– Да. То есть нет… Я стараюсь раз в месяц. Он прилетает ко мне, и мы проводим время вместе. Не всегда получается и…

– Потому что вы пьете, Новиков, поэтому не получается.

– Я давно уже… нет. С тех пор, как у вас работать начал.

Лешаков взял фото в рамке, стоящее напротив него на письменном столе. Фото со свадьбы Ларисы. Где они все вместе: дочь, зять и сам Лешаков. Повернул фотографию и подтолкнул к Новикову.

– Посмотрите.

Тот отставил чашку и взял фото в руку.

– Узнаете?

Сергей медленно поставил фото на стол и посмотрел на Лешакова.

– Что это значит?

– Это значит, что Руслан Царев, с которым живет ваша бывшая жена, женат на моей дочери Ларисе.

Воцарилась тишина. Новиков смотрел на чашку и помешивал в ней давно растворившийся сахар. Лешаков наслаждался моментом. Неприятно быть лохом вдвойне, да, Новиков? Мало того что тебе рога наставили, сына лишили, так еще и на женатого променяли. Настолько ты был паршивым мужем.

– Вы ее всё ещё любите, Новиков?

Мужчина не ответил, отвернулся к окну. Сжал челюсти с такой силой, что заскрипели зубы, и Лешаков довольно усмехнулся.

– Это личное.

– Как видите, не такое уж личное, Сергей. Моя дочь тоже любит своего мужа, который живет на две семьи. И с этим надо что-то делать, Новиков. Вы так не считаете?

– А что можно с этим сделать, Дмитрий Олегович? Оксана свой выбор сделала и ушла от меня к этому…

Он ткнул пальцем в фото, и оно проехалось по столешнице. Лешаков хлопнул по снимку ладонью, останавливая.

– Когда она делала свой выбор, то не знала, что он женат. Не знала целый год, Сергей Васильевич… и вот недавно узнала. Как вы думаете, не пришло ли время возобновить ваше общение? Ей сейчас плохо, она страдает, может, ей даже некуда пойти. Вы в курсе, что она здесь, а не в Валенсии?

Сергей резко посмотрел на Лешакова.

– Не в курсе.

– Вы позвоните ей, пообщайтесь… может, это ваш шанс.

– А зачем все это вам? Только из-за дочери?

– Конечно. Если ваша Оксана вернется к вам, то Руслан вернется к моей дочери, и всем будет счастье. Вы так не считаете? Я ведь могу вам помочь в этом нелегком деле, Новиков. Мне нужно понять, как далеко вы готовы зайти в своем желании вернуть бывшую жену.

– Так далеко, как только можно, – глухо ответил Сергей и наконец-то посмотрел в глаза Лешакову, и тому стало не по себе. Он даже поежился. Некоторые бабы делают из мужиков психов, а Оксана с виду не была похожа на ту, из-за кого сносит крышу… но сейчас Леший понимал, что реально упустил что-то важное в этой маленькой женщине с неброской внешностью.

– Тогда мы с вами поладим, Сергей Васильевич.

Протянул Новикову руку, и тот пожал его ладонь очень крепко. «Херовый из тебя психиатр, Лешаков, и мент ты был херовый. Вот политик из тебя выйдет что надо. Марионеточный и коррумпированный. То что доктор прописал». Слова Царева прозвучали в ушах и резанули по нервам. «А ты мертвый политик, потому что много из себя строил». Когда Сергей вышел из кабинета Лешего, тот вызвал Аллочку, и пока та, стоя на коленях, делала ему минет, а он, откинувшись на спинку кресла, смотрел на мозаику, выложенную на потолке, и говорил, срываясь на стоны:

– Ты завтра Новикову сама позвони или… ох да, детка, соси сильнее… или оттрахай этого в туалете у нас… чтоб искры из глаз…

После того как кончил, сунул секретарше деньги в лифчик и щелкнул пальцем по курносому носу.

– Не строй из себя обиженную, девочка. Я ведь и сам обидеться могу и найти на твое место более сговорчивую. Все поняла?

Та кивнула и, достав деньги, нагло пересчитала при Лешакове, потом приподняла одну бровь, и тот, усмехнувшись, добавил еще пару купюр.

– За усердие.

7 глава

Он смотрел на ее профиль, на тонкие руки, сжимающие сумочку, сжатые челюсти и контур скул, по которым так недавно проводил пальцами, и крепче в руль вцепился, чтоб не дотронуться. До ломки захотелось, до дрожи. Расстояние преодолеть вот это гребаное в несколько сантиметров, а такое впечатление, что она на другом краю вселенной. Её собственной, где приговор ему вынесла и сидит думает, как привести в исполнение. Внутри Руслана происходил переворот, взрыв противоречий и дикая ярость на себя, на ситуацию и страх. Паршивый, мерзкий страх, что все, что она говорила, было долбаной правдой. Неужели жалеет? Вот так просто не верит ему? Ни единому слову. Да, бл***ь, он женился, у него выбора не было, его к стенке прижали и дуло между глаз

поставили. Но не между его глаз, а между ее. Между ее любимых глаз нарисовалась мишень. И одним выстрелом всех сразу. Не нужно убивать каждого по отдельности.

– Тебя так волнует эта печать в моем паспорте? – наконец-то спросил он, чувствуя, как это тяжелое молчание выводит его из себя, и он готов сорваться. Именно потому, что она молчит. Как изваяние, как бездушный камень. Пока вещи собирала – молчала, пока в лифте спускались, и он ее чемодан в багажник укладывал. Руки чесались схватить за плечи и тряхнуть. Так тряхнуть, чтоб вытрясти из нее все до последнего слова. Все, о чем думает и как давно, мать ее, жалеет обо всем, но не тронул и пальцем. Сдержался. Не смог.

– Это то, что имеет значение для тебя, Оксана? – настойчиво спросил еще раз, бросая быстрый взгляд снова на ее руки, как будто в них заключались истинные эмоции. Не в глазах, не в поджатых губах и напряженной позе, а именно в руках, которые слегка подрагивали, выдавая волнение.

– Для тебя же это имело значение, когда я была замужем? – очень спокойно ответила она, глядя в окно, только пальцы сильнее сжали ручки сумочки так, что костяшки побелели.

– Это другое. – Руслан закурил и сбросил скорость. Посмотрел в зеркало дальнего обзора – их ведут, или ему кажется?

– Верно, другое. Это ты, а это я. Тебе же все можно. Ты так решил. Решил, что я проглочу, переварю и смирюсь. Куда она денется? Разве ты так не думал, Руслан? А когда ездил к ней, вы о звездах разговаривали? Или сделку какую-то обсуждали? В её постели после нашей. Ты имена наши не путал, Руслан?

Он ударил ладонями по рулю и грязно выругался сквозь зубы:

– Оксана, я никак не думал. Никак, понимаешь? Я думал о том, что тебя ведут ежедневно, думал о том, что сижу, как идиот, черт знает где и носа высунуть не могу. Что охотятся на меня все кому не лень, и женщину свою защитить не могу. Я был должен согласится на этот брак! Должен! Понимаешь, иногда выбора не бывает?

– Выбор есть всегда! Ты мог рассказать мне. У тебя были тысячи шансов поговорить со мной обо всем. Но ты просто так решил. Или это было удобно на тот момент.

– Выбор? Да, у меня был выбор – сесть лет на десять или потерять тебя. Я выбрал третье.

– Сидеть на обоих стульях и не потерять ни одну из нас?

Оксана расхохоталась, она смеялась, подняв голову, глядя на обшивку машины. Смеялась, как ненормальная, а Руслан чувствовал, что этот разговор заводит их все дальше в тупик, и он приходит в бешенство. Всё, пусть улетает. Иначе он сорвется. Ему так легче будет все решить и к ней приехать потом. Они оба остынут, и к тому времени он от Ларисы развод получит, и будет легче с Оксаной договориться. Им просто нужно время. Ей – принять правду, а ему – разрулить все это дерьмо.

Снова бросил взгляд в зеркало – белый «Фольксваген» продолжал ехать следом уже за чертой города. Руслан набрал Серого, но у того был отключен аппарат. Мать его. Вечно, когда надо, его нет. Номера бы пробил для Руса по их каналам.

Руслан свернул с прямой дороги на проселочную, проверяя, поедет ли «Фольксваген» за ними.

– Передумал в аэропорт? – издевательски спросила Оксана и достала из сумочки сигарету. Прикурила и сунула зажигалку в карман.

– Не передумал. – Руслан еще раз свернул с дороги и поехал уже через лесопосадку. Автоматически проверил, на месте ли ствол, и снова набрал Сергея. Сукин сын! Ну где же ты, мать твою? Да, их ведут. Теперь не осталось сомнений. Нужно выезжать на трассу и пытаться оторваться. Вжал педаль газа, и в этот момент машину резко повело вправо. Так резко, что запищали покрышки, высекая искры.

– Твою мать, Оксана, пригнись! Пригнись, я сказал!

Руслан сразу понял, что колесо прострелено, выжимая тормоз, выкрутил руль на кустарники, чувствуя, что еще немного – и они перевернутся в кювет. Бешеный разблокировал дверь и силой вытолкал Оксану из машины.

– Не вставать! – заорал в открытое окно и упал на передние сидения, когда машина въехала в кусты и остановилась.

Автоматная очередь прорешетила стекла, задевая обшивку, на земле взметнулся вихрь грязи. Взревев, «Фольксваген» пронесся мимо, и Руслан, приподняв голову, посмотрел ему вслед, потом выбежал из машины и, вскинув руку со стволом, выстрелил вслед. Понимал, что напрасно, но выпустил всю обойму, не мог остановиться. Его трясло как в лихорадке. Обернулся назад.

– Оксана!

Она не отзывалась, он побежал быстро, пряча ствол на ходу за пояс.

– Оксана!

Женщина лежала на траве, закрыв голову руками, и вздрагивала, Руслан упал на колени, резко приподнял, ощупывая всю, задыхаясь от ужаса, что её могло зацепить, а потом рывком прижал к себе, понимая, что у Оксаны шок.

– Тише… тише, родная. Все в порядке. Все хорошо. Он уехал. Все в порядке.

– Ничего не в порядке, – тихо сказала и вдруг резко оттолкнула его от себя, а потом вцепилась в воротник его рубашки дрожащими пальцами, – ничего не в порядке, Руслан! В нас стреляли – это твой порядок? Или то, что не попали, это порядок? Где здесь порядок, черт возьми… О Господи!

– Они и не думали попасть, Ксан. Не думали. Это как предупредительный в воздух.

Он хаотично гладил ее волосы, заглядывал в глаза, расширенные от ужаса.

– А мне что с этого? Что мне с этого, Руслан? Я не хочу так жить, понимаешь? В страхе, в постоянной панике, во лжи! В бесконечной лжи! Мне кажется, она от

меня комьями отваливается. Я в грязи и в крови вся. И это моя кровь! Моя!

Он оторвал ее от себя, вглядываясь в бледное лицо, понимая, что у нее истерика, и чувствуя, как сердце колотится о ребра и в горле дерет.

– А чего ты хочешь? Спокойствия? Деревню с домиком и корову? Пенсию?

– Пенсию, – засмеялась как-то обреченно, – да, вот про нее ты кстати вспомнил.

– Да какая, на хрен, разница, о чем я вспомнил, Оксана? Чего ты хочешь? От зарплаты до зарплаты жить?

– Но жить, – всхлипнула она, – жить, а не трястись от ужаса. Я с тобой как на пороховой бочке. Во всем. Даже в наших отношениях. У меня нет завтра, у меня какое-то проклятое сегодня, и я даже в нем не уверена. Не уверена, что вечером будет так же, как было утром! Я не верю тебе больше! Это страшно, Руслан! Я. Тебе. Не. Верю.

Ему показалось, что она в этот момент нож под ребро сунула и провернула несколько раз, наматывая кишки на лезвие, чтобы дернуть последними словами наружу все внутренности.

– Когда со мной связалась, сама знала, что курортов и санаториев не будет, – жестко сказал он, встал с колен и ее рывком поднял. – Заканчивай истерику. Не получится уже спокойно жить. Поздно. Ушел твой поезд, и самолет скоро улетит. Здесь останешься под моим присмотром. Опасно туда ехать одной. Все, в машину иди. Разговор окончен. Я все понял.

Снова набрал Серого, стараясь на нее не смотреть, и тот наконец-то ответил.

– Где ты, мать твою? Случилось! Изрешетили тачку мою по пути к аэропорту, назад Оксану везу. Целы. Что там с документами, ты нашел их? Давай. Ты где сейчас? О! Отлично! Недалеко от меня. Я Оксану отвезу домой, ребят к ней приставлю, и встретимся. Что там за бумаги? Те, что я хотел? Нет, это не то. Не то, бл***ь. Хорошо, я подумаю, где он еще мог спрятать папки. Нет, в «Орхидее» еще не был, ты ж знаешь, планировал сразу после аэропорта поехать. Давай, Серый. Да хрен его знает, кто обстрелял. Потом обмозгуем. Не так стреляли, как

пугали.

Отключил звонок и посмотрел на женщину, которая так и стояла у дороги, обхватив себя руками. Подошел, чтоб обнять, но она повела плечами.

– Хорошо, – сжал руки в кулаки, – хочешь, чтоб так все было, – будет так, как ты хочешь. Никак. Но со мной! Поняла? Поздно не поздно, плохо или хорошо, но со мной! Ты свой выбор уже сделала.

Взял под руку и отвел к машине, распахнул дверцу и усадил Оксану на сиденье.

* * *

Оставил ее на квартире, ушел, не прощаясь и не оглядываясь. Пацанов под домом дежурить посадил, одного на побегушки оформил и ей номер дал. Но не позовет же. Он ее хорошо знал. Сама все делать будет. Назло и потому, что слишком обижена. Руслан не хотел думать ни о чем другом, никакие варианты развития событий ему не подходили. Он ее просто никуда не отпустит.

Черт бы ее подрал с её ревностью и упрямством.

* * *

Тачку сменил, новую взял. Эту ребята отогнали в гараж – в ней все менять надо. Вернулся к съемной квартире и долго сидел под её окнами – думал. С Лешаковым сблефовал. Подписанных бумаг Царь сыну не оставил, и когда дело дойдет до официальной продажи компании – Руслану нечего будет предоставить Лешему.

Ни одной бумажки, только старые договора да пакет акций в двадцать процентов. Повернул ключ в зажигании и вдавил педаль газа – есть одно место, где он еще не проверял. Тот самый санаторий, который свел его когда-то с Оксаной.

Последняя надежда, или придется объявлять Лешему войну, а он, Рус, не может. Не может, потому что тогда никто и ничто не остановит жернова мясорубки. И

он один. Совершенно один. Лешаков, как паук, за это время все опутал сладкой паутиной, подкупая нужных людей, проворачивая сделки за спиной у Царевых.

На поверку империя оказалась далеко не империей, а разворошенным осиным гнездом, где каждый начал тянуть одеяло на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/soboleva_ul-yana/pust-lyubit-tebya-budet-bol-no

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить